

Андрей Ставров
Вракли-3

Записки «пятьюшестьвеника»

Андрей Ставров

**Вракли-3. Записки
«ПЯТЮШЕСТЬВЕНИКА»**

«Издательские решения»

Ставров А.

Вракли-3. Записки «пятьюшестьвеника» / А. Ставров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961316-5

Когда в некоторых компаниях меня упрекают в том, что в рассказах о наших многочисленных семейных приключениях я заметно привираю, я отвечаю: мне не надо врать, главное не забыть и вспомнить в нужное время. В этой книге часть того, что я-таки вспомнил... Илл. на обложке: И. Босх. Возвращение блудного сына (Путник) ... 1510. Роттердам, муз. Бойманс-ван Бёнингена

ISBN 978-5-44-961316-5

© Ставров А.
© Издательские решения

Содержание

Записки пятью шесть веника	7
Пара слов вместо предисловия	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МЫ – ЗДЕСЬ	8
1. Начало	9
2. О сортирах и не только	16
3. Paradise	19
Послесловие	32
ЛЮБОВЬ МОЯ СРЕДНЯЯ АЗИЯ	33
ГЛАВА 1. ДАВНЫМ-ДАВНО	34
Предисловие	34
Знакомство	36
Впечатления. Люди	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Вракли-3

Записки «пятьюшестывеника»

Андрей Ставров

*Врать – означает приукрашивать истину
в целях её более художественного отображения.*

Посвящается моей семье. Любимой жене и сыну – преданным попутчикам и участникам наших приключений. Двум очаровательным внукам, которым, надеюсь, ещё предстоит пройти нашими тропами.

Редактор Юрий Иосифович Будько
Корректор Нонна Николаевна Жилко

© Андрей Ставров, 2019

ISBN 978-5-4496-1316-5 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-1317-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С удивлением я узнал, что первые мои вакли понравились многим моим друзьям, приятелям, знакомым и даже незнакомым людям. Я, было, собрался остановиться в своём «вранье», но видя такое отношение, решил таки продолжить. Но тут случилось... Каким-то образом мою писанину прочитал наш давешний друг и соратник по совместной деятельности на ниве художественного просвещения населения известный журналист и издатель Ю. Будько. Странно, но ему она, писанина, понравилась, но он пришёл в ужас от моей грамотности. – Что у тебя было по русскому языку в школе!? – орал он на меня по телефону. – Крепкая четвёрка, – нагло врал я. – Да двойка и та была бы завышенной отметкой, – продолжал Юра. Да, дорогой читатель, трояк был за счастье, четверка – мечтой, пятёрка непокорённой вершиной. Оторавшись Юра предложил немислимое – причесать следующие вакли. Я легкомысленно согласился. А когда увидел результат, опешил. За правками разноцветными фломастерами не было видно текста. Поэтому во первых словах моих третьих ваклей я выражаю особую благодарность и признательность Юрию Будько за ту титаническую работу, которую он проделал, за то, что взвалил на себя эту ношу и за то, что благодаря ему я узнал много нового о русском языке.

Барон Мюнхаузен.

Записки пятью шесть веника

Всю жизнь идти к цели можно, только если она постоянно отодвигается.

Станислав Ежи Лец

Пара слов вместо предисловия

Много лет назад, когда я был маленьким, в моде были так называемые армянские загадки. Типа: На «ж» начинается и лежит в кармане. Ответ: жажигалка. А на «ы» начинается и лежит в другом кармане? Ответ: ыщё одна жажигалка.

Праздновали что-то у нас дома. Один из гостей позвал меня и показал рисунок: стилизованные изображения – метла, человеческое ухо, метла, две вилки, пять умножить на шесть и веник.

– Как думаешь, что здесь написано? – спросил он.

Я пожал плечами, в голову ничего разумного не приходило.

– Смотри, читаем – Метла-ухо-метла, вилки пятью шесть веник! Понятно?

– Чепуха какая-то, – смутился я. Гости засмеялись.

– Миклухо-Маклай – великий путешественник, по-армянски – разъяснили мне, тупому.

С этих пор слово «пятьюшестьвеник» прочно вошло в семейный сленг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МЫ – ЗДЕСЬ

1. Начало

Всё надо делать вовремя. И это каждое вовремя должно иметь своё начало и свой конец. И если начало может быть стихийным или случайным, хотя и здесь хотелось бы иметь нечто вроде плана, то конец уж точно должен быть запланирован и предусмотрен. А встречать его следует как само собой разумеющееся ожидаемое событие. Не то как, к примеру, мой сосед. Для него выход на пенсию, как завершение определённого периода жизни, было совершенно неожиданным событием. Это как наступление зимы, весны и других времен года для нашего правительства. А ежели ничего не делать, то не имеет значения – вовремя или не вовремя ничего не делать. Начала, естественно, не будет, ну, а конец – будет обязательно. Причём, единственный – и хорошо известный.

О чем-то в этом духе я думал, сидя на большом валуне. Передо мной вдаль уходил широкий увал. Ниже виднелась полоса тайги на берегу Реки. Справа над увалом нависали пологие склоны, заросшие мелким кустарником. Противоположный берег Реки вздымался огромной россыпью, по верху которой до горизонта простиралось плато, заросшее кедрачом и лиственницами. Стояло начало сентября второго года после Великой августовской революции. До ближайшего человеческого жилья было не менее полторы сотни километров, и на этом пространстве я был один. Совсем.

Открыв эти места более двадцати лет тому назад, мы с женой вдвоём или втроём с сыном или иногда я один практически каждый год в течение месяца бродили вдоль Реки от одной охотничьей избушки к другой. Ловили рыбу, добывали рябчиков или иную пернатую дичь, собирали ягоды и грибы – фактически жили на подножном корме и вели почти первобытный образ жизни. За эти годы перезнакомились практически со всеми обитателями этой территории – от малюсенькой деревеньки, куда добирались из столицы автономии, до затерянных в глуши скитов, где прятались от властей отшельники. На всём пространстве в почти две сотни километров едва набиралось сотня жителей, из которых отшельников было чуть более десятка, а остальная часть – охотники-староверы с семьями обитали в той самой деревеньке. Я не называю ни имени деревеньки, ни этого места, ни даже точки на карте. Причина простая. Когда-то много лет назад Паустовский так описал свои путешествия по почти безлюдной Мещерской стороне, что толпы туристов и прочей публики буквально в течение нескольких лет преобразили этот край до неузнаваемости. Точнее, просто загадили. И один из почитателей творчества писателя с горечью пенял ему за эту нечаянную рекламу. К моему счастью места, о которых идет речь, по какому-то странному стечению обстоятельств попали в пограничную зону, хотя до госграницы было почти триста километров. Статус погранзоны требовал наличия пропуска для её посещения. Пропуск же выдавался желающим по месту их жительства в милиции по приглашению жителей деревеньки, которые хранили эти места, и приглашения не рассылали. Я и моя семья были исключением. И каждый раз ещё весной, когда мне приходило приглашение, я сдавал документы в ОВИР, через пару недель получал вожделенный документ. Далее обычная процедура заказа целой пачки билетов туда и обратно. Сначала до Москвы, оттуда до столицы автономии, из неё на АН-2 до последнего населённого пункта перед началом погранзоны. Там уже знакомые охотники на мотоциклах по сорокакิโลметровой горной тропе доставляли нас на берег Реки выше огромного порога. А на берегу ждал Прокопий Ермогенович – глава целого рода. Он каждый раз бился об заклад с односельчанами, что я прибуду к точке встречи в указанный день и в точно указанное время. Об этом я извещал его ещё весной. Односельчане сомневались, но каждый раз Прокопий оказывался прав. Он доставлял нас на лодке к своей заимке на краю деревеньки, в десяти километрах выше по течению Реки. Там мы ночевали, а рано утром кто-то из его сыновей забрасывал нас за сто восемьдесят километров вверх по Реке к первой на нашем пути избушке. А далее в течение месяца

мы не спеша спускались вниз, живя по несколько дней в других избушках. Путь из нашего города до момента встречи с Прокопием занимал менее двух суток. И столько же обратный путь. Но из столицы автономии мы летели не прямо домой, а в Среднюю Азию, или Кавказ, или Крым к друзьям. Чтобы поесть настоящих фруктов или понежиться на берегу моря.

Сейчас же, на второй год после революции, я был уверен, что счастливые времена подходят к концу. Погранзону отменяют, дикий капитализм пригонит в эти края кого попало, предприимчивые дельцы начнут возить иностранцев – любителей охоты, хлынут орды туристов и браконьеров, и прочее, прочее. Из-за нерентабельности перестанут летать самолеты, плавать по Реке теплоходы с водомётными двигателями. Чтобы попасть сюда придётся тратить немислимое с точки зрения ограниченного отпуска время или большие деньги, нанимая вертолёт. Как впоследствии оказалось, я был совершенно прав в своих невесёлых размышлениях. И, сидя на валуне, любуясь золотом осенней тайги, невероятно синим небом и могучей Рекой, я понял – надо подводить черту. Ни к чему строить иллюзии. Урезать, так урезать, как говаривал Райкин, словами самурая, делающего себе харакири. Надо осознать – это последний раз. Навсегда. И не думай, – говорил я себе, – вернуться сюда через несколько лет. Не повторяй ошибки, сохрани в памяти всё, что было с тобой здесь и не испытай жуткого разочарования, когда увидишь руины своего самого счастливого периода жизни. Подобное уже случилось со мной. В детстве я обожал фильм «Илья Муромец». Я смотрел его раз двадцать, знал наизусть и всё равно бежал смотреть его опять в наш кинотеатр «Детский», что был рядом с домом. Прошли годы и однажды, будучи уже достаточно взрослым, я увидел на афише знакомый фильм. Тут же купил билет и... Лучше бы я этого не делал. Это было горькое разочарование, крушение иллюзии. Зачем я убил свою детскую радость?

Я поднялся с валуна, повесил ружьё на плечо и медленно пошёл вниз, к избушке. Солнце уже почти село. Завтра за мной придёт лодка, и я отправлюсь домой. У избушки я развёл костёр, жарил двух хариусов, достал флягу с остатками питьевого спирта, добавил воды, снизив градус до крепости водки, выпил, съел восхитительную рыбу, заварил чаю, закурил и улёгся у костра. Коль скоро я намерен подвести черту под целым периодом собственной жизни, стоит вспомнить, с чего же всё началось?

Склонность к путешествиям у меня проявилась с раннего детства. Однако, жизнь маменькиного сыночка лишала возможности реализовать эти наклонности. Лето я обычно проводил сначала в пионерлагерях, потом на дачах, в основном под Питером у родственников, а иногда тут, неподалеку от Минска. Отец мой умер рано, а мама особо моим воспитанием не занималась. Летом она вызывала мою питерскую бабушку и два месяца я жил на природе. Не скажу, что это было совсем плохо, но моя романтическая натура требовала простора и свободы. Мама это почувствовала и отправила меня в секцию юных туристов при Дворце пионеров. Сначала мне всё очень понравилось. Мы дважды тем летом ходили в походы. Таскали тяжеленные рюкзаки, спали в палатках, готовили пищу на кострах, учились ориентироваться на местности, пользоваться компасом и прочим туристским премудростям. Но оказалось, что, несмотря на мой компанейский характер, ходить в толпе в походы мне было не по душе, и я из секции сбежал уже на следующий год. Мама пошумела-пошумела – и успокоилась. Шел последний школьный год и было уже не до того.

Поступив в университет, я стал дожидаться лета, чтобы впервые, как лицо самостоятельное, провести каникулы по собственному усмотрению. Но мудрая моя мама даже мысли не допускала, что я буду груши околачивать и в приказном порядке засунула меня в стройотряд. Этот отряд был организован студентами химфака, на первом курсе которого учился мой закадычный школьный друг Игорь. Он-то и подложил мне свинью, сообщив о стройотряде в присутствии моей мамы. И она тут же сделала правильный выбор. За что позже я ей был,

есть и буду безмерно благодарен. Что было в том стройотряде – отдельная песня, и я её, может быть, спою позже. Как оказалось, одним из главных достоинств этого времяпровождения был свободный сентябрь. Всех студентов, которые от трудового перевоспитания отлынивали, справедливо гнали на картошку. А мы, бойцы, имели месяц настоящих, заслуженно заработанных каникул.

Среди студентов нашего отряда был Юра. Он был старше нас ровно на три года – с первых двух раз в институт не поступил и загремел в армию. Юра отличался исключительной худобой, широкополой шляпой из войлока и полным набором фотопринадлежностей. Последнее обстоятельство сделало его нашим историографом. Он снимал летопись отряда. Если же ему наливали стакан, то в знак благодарности он фотографировал налившего во всех возможных ракурсах и ситуациях, которые зачастую были довольно пикантными. Мы и наливали ему наперебой, так что у каждого наряду с общими фотографиями имелся набор личных. Работали мы с раннего утра до позднего вечера, и времени на посиделки оставалось немного. Но по субботам рабочий день заканчивался около шести, поскольку в конце рабочей недели полагались баня и культурный отдых, который у нас был в виде портвейна «Три семерки», кинофильма в сельском клубе и выяснения отношений с местными пацанами, которые почему-то без особого восторга наблюдали за нашими лёгкими и не только лёгкими шашнями с деревенскими барышнями. Как-то раз, после культурной части – в смысле портвейна – я остался в расположении нашей стоянки. Юра также не пошёл в клуб, а сидел в своей импровизированной лаборатории и проявлял отснятые накануне фотоплёнки. Поставив пленки на финишную промывку, он вышел на воздух, сел на скамейку рядом со мной, стрельнул у меня сигарету и мы закурили. Болтали о разном – и тут Юра вдруг спросил:

– Ты что собираешься делать в сентябре?

– Да пока особо не думал, – помедлив, ответил я. – Даже не знаю. Скорее всего, рвану в Ленинград к бабушке. Поболтаюсь по пригородам, по музеям. Ну, перед этим недельку похожу за грибами. Я бооольшой их любитель. Хотя, может, и слетаю во Львов. Говорят, чудесный город. Чистая Европа. А ты?

– Я? Я-то точно знаю.

И Юра начал:

Слушай, расскажу тебе одну историю. Когда три года назад я во второй раз пролетел со вступительными экзаменами, до армии было, кажется, месяц, а может, два. Не помню. Август, погода изумительная, а у меня на сердце кошки скребут. Ну, какой из меня солдат? Я сейчас ещё поправился – а тогда был чистый скелет. Но в военкомате сказали, что годен. Правда, попал я на кухню, где два года пролетели незаметно да и откормился более или менее. Так вот. Кошки скребут. Что делать, ума не приложу. Тут мне позвонил друг. У него дед жил в деревеньке у самого берега большого озера. Друг, заядлый рыбак, мотался к деду практически каждые выходные. А тут у него то ли отгулы набрались, то ли от отпуска дни остались, и он предложил поехать на рыбалку дней на пять. Я тут же согласился. И не потому, что я такой уж рыбак, просто хотелось отвлечься от мрачных мыслей, сменив обстановку. Выяснилось, что с нами будет ещё один парень, двоюродный брат друга с Украины. Предлагалось выехать в среду после обеда, но я сказал, что поеду самым первым автобусом и буду ждать приятелей на месте. Тем более, что я как-то раз там уже был и деда по прозвищу Андреич знал. На том и порешили.

Утром я добрался до Андреича. Тот меня вспомнил, угостил простецким завтраком и предложил не дожидаться друзей, а взять лодку и поплыть на остров самостоятельно, Остров был где-то в километре от берега. Там обычно парни и рыбачили. А когда внук с другом появится, – говорил дед, – он их на моторке туда закинет.

Я с радостью согласился. А что? Поставлю палатку, осмотрюсь, дров натаскаю... Кинул в лодку рюкзак, сел на весла и через полчаса уже подплывал к острову. По словам деда, лучшая стоянка была на противоположном от деревни берегу. Остров представлял собой лесистый холм, почти круглый, около трехсот метров в поперечнике. Но с противоположной от деревни стороны от него словно откусили кусок – там была бухта с дивным песчаным пляжиком метров пятьдесят в длину. Я причалил, вытащил лодку на берег и пошёл осматриваться. Здесь холм был пологим, и в метрах ста от берега виднелась полянка, словно предназначенная для стоянки. По центру полянки было большое кострище – тут наверняка десятилетиями рыбаки и останавливались. На её краю я выбрал пару сосёнок, растянул между ними палатку. Палаткой я гордился. Сделал её сам из парашютного шелка, а в качестве дна был использован легкий надувной матрац. Чтобы крыша не промокала при сильном дожде, сверху она была покрыта большим листом полиэтилена. Палатка была чисто одноместной – я терпеть не мог ночевать с кем-нибудь ещё. Места было достаточно – для меня одного и для рюкзака с вещами. Спальный мешок, конечно, в те времена было не достать, и мать мне сшила его сама. Он был лёгкий и не очень тёплый. Но стояло лето, погода была изумительная и даже ночью было не меньше восемнадцати градусов. Дров вокруг было достаточно. Я притащил несколько сухих сосёнок, установил рогатины над кострищем, деревца порубил и сложил рядом. Распаковал вещи и стал готовить снасти. Вдруг я услышал звук приближающейся моторной лодки. «О, наверняка пацаны раньше прибыли», – подумал я и вышел на берег, но увидел, что в лодке сидит лишь один Андреич. Он причалил, и, не вылезая из лодки, сообщил новость. Едва я отбыл, как его позвали на почту. Позвонил внук, который сообщил, что двоюродный брат умудрился поскользнуться на лестнице и, кажется, сломал ногу. Так что никто не приедет. Ни сегодня, ни, вероятнее всего, вообще. Андреич предложил забрать меня назад, но я тут же отказался. Тогда дед сказал, что лодка ему понадобится лишь в субботу и я могу остаться здесь, если есть такое желание. Желание было, и Андреич отчалил. Едва лодка скрылась за поворотом, как я сообразил – а что я есть-то буду эти три дня?! Я вернулся к палатке, достал рюкзак. Итак, в наличии: два бутерброда с колбасой и сыром, взятые в дорогу на всякий случай, полбуханки чёрного хлеба, пачка печенья, три большие луковицы, две головки чеснока. И бутылка портвейна «Три семерки». К счастью, я человек предусмотрительный. У меня в коробке со снастями всегда баночка соли, перемешанной с черным перцем, пачка (начатая) цейлонского чая, коробок т.н. туристских спичек. Котелок с крышечкой-сковородкой, кружка, ложка, фонарик, топорик, две пачки сигарет. Проживём!

Дальше Юра рассказал, как он жил те три дня. Как ловил рыбу, собирал грибы, варил супчик из щавеля, словом жил на подножном корме. Как вёл почти первобытный образ жизни, когда практически всё время уходило на добычу пропитания. Как когда благодаря хорошей погоде ходил чуть ли не голый. Как встречал рассветы и провожал закаты, как постепенно оттаивал, забывал свои горести и печали, как чувствовал себя одним на всей планете, как ощутил полное единение с природой... Он рассказывал так вкусно, так убедительно, что в какой-то момент я почувствовал себя на его месте и его глазами уже любовался окружающим миром, уже физически ощущал вкус ухи с дымком, пил портвейн, сидя на берегу. Юра окончил свою историю, а я ещё долго не мог прийти в себя. Было уже совсем темно, послышались голоса возвращающихся с «культурного отдыха» приятелей. Я взглянул на часы – мать божья, третий час ночи! Мы встали, Юра собрался в лабораторию развешивать плёнки на просушку. Перед тем, как попрощаться, он сказал:

– Вот, а ты спрашиваешь, что я буду делать в сентябре. Туда, опять и опять!

Я забрался в койку, но сон не шёл. Вот оно, вот то, что мне нужно, – думал я. Вот что действительно отвечало моей романтической душе. С этими мыслями, я, наконец, отключился. Время в стройотряде летит быстро. Вот, наконец, прощальный банкет, безудержная пьянка,

драка с местными, тяжёлое похмелье утром, автобус, – и вот я дома. Мама в восторге. Похудевшее, загоревшее и окрепшее чадо, хотя и с жутким выхлопом после вчерашнего и в прокуренной напроочь одежде. Но я был уже не маменькин сынок – наряду с пробившимися усами имелось нечто, похожее на куцую бородёнку – почти мужик. На вопрос, что же чадо намеревается делать, чадо ответило коротко: «Посмотрим». Что означало перво-наперво инвентаризацию наличного снаряжения. Оно было скудно: сомнительный рюкзак, оставшийся от секции юных туристов, алюминиевая кружка, спальный мешок. Вот мешок был замечательный – подарок родственников-геологов из Тюмени. Шикарный, на гагажьем пуху, лёгкий и очень тёплый. По словам родни, в нём зимой на снегу можно было спать, подстелив снизу еловый лапник. В стройотряде мы не только вкалывали, но и зарабатывали. Приученный с детства к тому, что в семье всё общее, я заработанные деньги отдал маме, а себе оставил немного на карманные расходы. Пришлось даже попросить некоторую сумму взад для приобретения палатки, котелка, топорика и прочих туристских принадлежностей. Мама такие траты приветствовала. Она вообще считала, что деньги мне тратить надо на поездки по интересным местам, на книги и на хобби, к которому, безусловно, относился и туризм. По этой причине, брюки, трусы, майки, рубашки и другие детали одежды приобретались мне по мере полного износа предыдущих. И когда моя жена получила меня в свои руки, она просто пришла в ужас и первым же делом из скудной стипендии купила мне первую в моей жизни модную рубашку, которую, правда, по неосторожности тут же пропала при глажке. До нынешнего времени моя полная неприязнательность в одежде порой доводит её до истерики. Чтобы купить мне обновку, она начинает подготовку за полгода и слезами, наконец, вымучивает моё согласие. «Как же, зачем мне эти джинсы, если я не сносил ещё две предыдущие пары», – восклицаю я. И вижу слёзы в ответ...

Итак, всё необходимое приобретено. Первый же опыт удался на все сто. Не мудрствуя лукаво, я собрался, сел на электричку, отъехал на сотню километров от города и по т.н. карте отправился, куда глаза глядят. Они глядели вдоль небольшой живописной речки. Надолго с первого раза я не рискнул и провёл восхитительную неделю. Всё было точь-в-точь, как рассказывал Юра и как представлял я. Продуктов я взял с собой немного, зато грибы в том году уродились на славу. Кое-что попадалось на удочку, находился и щавель и даже поздние ягоды красной смородины в густом кустарнике в тени. Но мой первый опыт отличался от Юриного. Я не только не обходил встречавшиеся редкие деревеньки, а пару раз даже напрашивался на ночевку. И совсем не из-за погоды, которая была как на заказ, а из любопытства. В те времена места в сотне километров от города, да ещё чуть в сторону от дорог представляли собой почти медвежий угол. Я ещё застал хатки крытые соломой с земляными полами, более или менее населённые деревни, где наряду со стариками мелькали люди среднего возраста и даже молодёжь. Все были очень гостеприимны. Более того, чем беднее выглядел домишко, тем радушнее были хозяева. Я напрашивался спать на сеновале и запах сена до сих пор мой любимый. Меня угощали дивным молоком, сметаной и творогом. Еда была скудная, но фантастически вкусная. Я всегда старался, уходя, сунуть хозяевам денежку. В подавляющем большинстве случаев они отказывались. Но иногда брали со слезами благодарности – особенно одинокие старушки с нищенской пенсией, для которых рубль означал хлеба на неделю! Вечерами после ужина я слушал нехитрые рассказы о житье-бытье, зачастую не верил своим ушам. То, что рассказывали мне старики, а я именно с ними предпочитал разговаривать, потрясло. Их рассказы как-то не вязались с тем, что я знал из своей благополучной городской жизни сына директора небольшого НИИ. Особенно потрясали меня рассказы о военном времени. Почти все старики были под оккупацией и их рассказы о немцах и партизанах часто разительно отличались от того, что писали газеты, чему учили в школе и институте.

После этого милого путешествия моя жизнь приобрела неожиданный оттенок. Нет, я ничего особого не менял, всё также вел разгульную студенческую жизнь, гулял с девчонками, кутил с друзьями в те дни, когда мама уезжала в командировку. Наша квартира была в самом центре города в десяти минутах ходьбы от университета и при отсутствии мамы становилась, по словам соседей, сущим притоном. По возвращении мамы, ей, конечно, стучали на меня, но мама была достаточно мудра и особо меня не гоняла. Так, журила слегка. Но, по крайней мере, пару раз в месяц я срывался за город с рюкзаком и палаткой для того, чтобы ночь провести у костра, побродить по окрестным лесам. Причём в любое время года и практически в любую погоду за исключением проливного дождя. Гагажий спальник не подвёл – действительно зимой даже в мороз в нём спалось как дома. Приятели-химики посмеивались над этими моими причудами, а закадычный друг и стройотрядовский крёстный папа Игорь изгалялся как только мог на тему «елочки-берёзки и лютики-цветочки». У себя на физфаке я неожиданно приобрел двух единомышленников: Саньку – впоследствии свидетеля с моей стороны в ЗАГСе, и Володьку – также в дальнейшем свидетеля, но уже со стороны жены. Мы начали совершать поездки втроём. Санька так и остался до сих пор ближайшим другом, а Володька сгинул за океаном на ПМЖ в поисках лучшей жизни. По слухам, так и не нашёл. Особенно мы ждали майские праздники, Новый год и Седьмое ноября. Иногда они попадали на будние дни – четверг-пятницу и, заранее сдав зачеты или договорившись со старостой группы, можно было сбежать на природу на неделю, а то и дней десять при особом везении. В таких случаях мы бросали жребий, куда кому двинуть из города поодиночке, а по возвращении делились информацией, чтобы в следующий раз поменяться маршрутами. В промежутке между ноябрем и маем мы выбирались относительно недалеко чтобы, как мы говорили, поспать на природе. Оба моих приятеля были не очень разговорчивыми и умели дружелюбно молчать и... слушать. Что было особенно приятно мне, учитывая особую мою говорливость... Как правило, в субботу после занятий, когда уже начинало смеркаться, мы доезжали на электричке до какой-нибудь знакомой станции и почти в темноте ломились через лес. Через пару часов такого удовольствия в темноте мы пытались найти приемлемое место для ночлега. И вот что удивительно – всегда находили, да так удачно, что утром при свете оказывалось, что лучше и не найти! Ставили палатку, разводили большой костёр, готовили ужин. Поев, долго пили особо ароматный на холоде чай с сахаром вприкуску. Тогда можно было купить колотый сахар, твёрдый как камень. Было невероятно вкусно хрустеть им и с сушками пить из большой алюминиевой кружки чай с дымком. Потом ещё долго сидели у костра, лениво переговариваясь о том о сём. И, наконец, засыпали в палатке. Сон в зимнюю ночь в лесу был невероятно крепким, после него утром в теле ощущалась невероятная бодрость, а душа просто-таки пела. Проснувшись, мы долго, плотно и вкусно завтракали, потом шли почти до вечера – и опять на электричке домой. В таких поездках мы практически никогда не выпивали. В снежную зиму всё это повторялось, но на лыжах. Когда нас спрашивали, чего это мы чудим и что это за странный у нас туризм, мы лишь пожимали плечами, а слово «туризм» считали чуть ли не ругательством. «Так вы туристы или как?», – спрашивали особо настырные. Толкового ответа у нас не было. Ну, не путешественники же! Хотя, как ни странно, это слово в наибольшей степени отражало наше настроение. А моя бабушка, переживавшая за любимого внука, шатающегося в одиночестве по лесам, в сердцах обозвала меня просто: «Бродяга»! А мне это определение понравилось! Окрестностями города мы, естественно, не ограничивались и мотались с Санькой на Памир, в Карпаты и на Дальний Восток. Володька после университета загремел на два года в армию в качестве лейтенанта, а меня от этой горькой участи спас фиктивный брак с одной симпатичной барышней. Эта фикция растянулась на долгие годы и продолжается до сих пор, и, надеюсь, окончится с переходом в мир иной одного из нас. Хотелось бы быть первым, хотя жена заявила, что я окажусь последней сволочью, если оставлю её...

Женившись же, я не только спасся от нанесения особого вреда нашей армии, но и приобрёл достойную подругу, которая без колебаний разделила судьбу бродяги. Сначала с ней вдвоём, потом уже втроём, когда сыну едва минуло три года, мы продолжили шататься по окрестностям, а позже стали захватывать и отдалённые территории, а, в конце концов, и остановились в этих воздушных местах на долгие почти двадцать лет.

2. О сортирах и не только

История открытия мной этого рая носит почти анекдотичный характер. Так случилось, что строительство сортиров стало одной из моих основных специальностей сначала в студенческих стройотрядах, а позже и в шабашных бригадах. Из-за этого мне всегда приходилось выезжать на очередной объект раньше основной части коллектива. Как правило, я и кто-нибудь из друзей, у кого был достаточно длительный отпуск, должны были подготовить место дислокации нашей компании. В это понятие входило: сортир, столовая, т.е. навес с летней кухней, длинным столом и двумя скамьями, сарай для инструмента. На всё давалась неделя и, как правило, этого времени вполне хватало. Каких только сортиров я не строил, и на одно очко, на несколько, даже пару раз грандиозные сооружения на два отделения и десять очков в каждом. Особенно я любил ставить сортиры повыше, с тем, чтобы к ним сооружать лестницу в несколько широких ступеней. И если вдруг, была возможность установить сортир на горке, то я создавал нечто похожее на трибуны у кремлевской стены. Когда позволяло время, мы с приятелем украшали сортир резьбой, к лестнице приделывали затейливые перила, иногда раскрашивали, в общем, делали из него настоящее произведение искусства. Местные дивились, крутили пальцем у виска, но позже в очередной приезд (мы несколько лет разваливали сельское хозяйство в одном совхозе в Архангельской области) обнаруживали во дворах у некоторых хозяев нечто подобное. Искусство в массы – так я называл своё сортирное творчество. Любовь к сортирному строительству не покинула меня после завершения шабашного периода жизни. Оно получило новое развитие, когда мы с женой перешли к оседлому образу существования и стали классическими дачниками. Как говорила моя жена, первыми сооружением на даче должен быть сортир и душ, а затем уже собственно дом. Этот принцип я реализовал, правда, все три объекта появились почти одновременно. Поскольку после завершения строительства оказалось, что потребность в новых сортирах исчезла, то я плавно перешёл от их возведения к их обслуживанию. Т.е. сменил профессию сортирного строителя на профессию ассенизатора.

При появлении внучек, помимо ухода за нашим «взрослым» сортиром мне пришлось заняться и результатом их жизнедеятельности. За что получил прозвище какашки-писи-воз-сказочник.

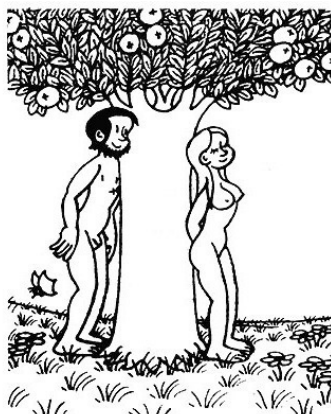
В тот памятный год сортир был построен в Восточной Сибири. В месте одной из многочисленных комсомольских строек советского периода – железной дороги между двумя крупными городами Восточной и Южной Сибири. Почему я не указываю точных координат места, я писал ранее. Хотя в своё время строительство этой дороги гремело на всю страну, комсомол имел к этому сравнительно малое отношение. Строили дорогу в основном заключённые, многочисленные лагеря которых в то время расположились по обе стороны от рельсов. Кроме этого, среди строителей было достаточно много деклассированных элементов, которым в родных местах грозила тюрьма, и единственным спасением было согласиться на весь предполагаемый срок ехать по «комсомольской путевке» на «ударную всесоюзную и т.д.» Что же тут говорить о качестве строительства. Зато нам, шабашникам, плохое качество строительства было и хлебом, и маслом сверху, а при удачном закрытии нарядов на хорошем объекте, приличным куском колбасы. Вот тогда мы с другом приехали за неделю до заезда всего коллектива и занялись привычным делом. Уложились в срок, даже ещё день в запасе оставался. Как известно, завершающим этапом строительства любого объекта было его испытание. Конструктор моста должен был стоять под своим детищем, когда по тому гонят огромные самосвалы, гружённые песком. Я же испытывал сортир путём его прямого использования. Погода стояла чудесная, птички пели, сортир ещё благоухал свежим деревом – уходить не хотелось. В те годы понятия туалетной бумаги в быту советского человека не существовало. Туалетная бумага – это любовно нарезанные листки газеты, нанизанные на гвоздь. У пижонов – бумажные салфетки. У нас же ни газет, ни салфеток не было. В школе, где мы тогда квартировали, в избытке был лишь один вид печатных изданий – журнал «Турист». Использовать его без специальной подготовки – всё равно, что применять мелкую наждачную бумагу. Жаль, что Гаргантюа не пробовал! Итак, прежде чем... ну, в общем, применить по назначению, страницу надо было долго и тщательно мять. Вот почему, а не только по причине хорошей погоды, я задержался с процессом испытаний. Зависнув над очком и выдрав страницу, я собрался начать её готовить к использованию. Но тут в глаза бросилось фото неописуемо красивого места. Внизу была подпись: Берег Реки недалеко от впадения в неё Притока. На обратной стороне страницы – карта-схема, из которой я с изумлением узнал, что это совсем рядом с сортиром, километров пятьсот по этой самой дороге. Ну, там плюс пару сотен автобусом и пешком, судя по карте ещё около пятидесяти.

Страницу с фото и картой я сохранил и спрятал в рюкзак. Начались обычные трудовые будни, но мысль о заветной странице из головы не выходила. На счастье, я имел длительный отпуск и после завершения нашей шабашной кампании планировал где-нибудь поболтаться. Для этого я ещё из дому взял палатку, спальный мешок, ружьё (тогда с этим было просто) и прочие туристские принадлежности. Теперь «где-нибудь» обрело реальные географические очертания. И на следующий день после окончания работ, грандиозной пьянки в честь удачного закрытия нарядов и получения более чем неплохой зарплаты, меня почти в бессознательном состоянии засунули в поезд. В котором я следующим утром очнулся на конечной станции. Потом автобусом через перевал, потом на небольшом теплоходе с водомётным двигателем вверх по Реке до последнего на этом пути населённого пункта. Далее теплоход идти не мог в силу сплошных порогов и бурного течения. Оказалось, что та самая карта-схема также далека от действительности как развитой социализм от реалий нашей жизни. Кое-что весьма приблизительно, но...

С уверенностью, что меня ждёт лёгкая прогулка, я закупил в магазинчике немного продуктов и бодро двинул вдоль притока, впадающего в Реку в паре километров выше по течению. Не буду описывать мои мытарства по этой самой, будь она проклята, карте! Скажу лишь, что блуждал я почти десять дней и с огромным трудом, наконец, выбрался в места, где встретил

признаки человеческого жилья. Как оказалось, это крошечная деревенька, последний населённый пункт аж до самой границы. Которая была на расстоянии почти в триста километров и, благодаря которой, вся эта территория была погранзоной. Куда, естественно, требовался пропуск. Которого у меня, что также естественно, не было. Но это всё я узнал гораздо позже. В деревеньке жили сплошь охотники-староверы с семьями. Народ гостеприимный и отзывчивый, но относящийся к чужакам настороженно. Красота мест меня околдовала. Ничего подобного я не встречал в своей жизни, хотя до этого бывал и на Севере и на Дальнем Востоке. Но феноменальное сочетание АБСОЛЮТНО нетронутой тайги, неопишимо красивой реки, текущей в сравнительно узкой долине, скалы, горы, от небольших у берега и постепенно переходящих в снежные вершины, каменистые россыпи по северному берегу, узкие каньоны, да всего не перечислить. Изобилие рыбы, непуганой дичи, грибов, ягод. И практически полное отсутствие гнуса! Но и это было не главное. Люди. Староверы, жившие так, как их предки, с той разницей, что на лодках они ходили по реке не с шестом, а на моторах, пользовались современным инструментом, но ни радио, ни, тем более телевидения, не знали и знать не желали. Электричества не было, только небольшой дизель-генератор, который запускался раз в неделю, когда жены охотников устраивали генеральную стирку. Да, толк в механизмах мужики знали, и стиральные машины были у всех. Но и это еще не всё. Выше по течению вдали от властей и чужого глаза были разбросаны немногочисленные скиты, в которых жили отшельники. Те вообще не знали благ цивилизации, и их образ жизни не менялся столетиями. Немало времени ушло у нас, чтобы подружиться со всеми обитателями этого рая, чтобы завоевать доверие и стать своими, желанными гостями, чтобы иметь возможность хоть на месяц окунуться с головой в совершенно иной мир. Жена и сын, прикипевшие к этим местам, частенько задавали мне один и тот же вопрос: – А что, если бы тогда вместо журнала «Турист» у тебя оказалась туалетная бумага, Ответа я так и не нашёл...

3. Paradise

Жан Эффель. Сотворение мира

Благодаря установившейся дружбе с местными жителями и, особенно, с одной семьей, во главе которой стоял монументальный Прокопий Ермогенович, от момента выхода из дома до остановки в первой охотничьей избушке, с которой начинался наш медленный спуск вдоль Реки к деревеньке, проходило менее трёх суток. Избушка как раз была вот здесь, где я в данный момент лежал у костра и вспоминал этот кусок жизни.

До границы около сотни километров, до деревеньки – немногим более ста восьмидесяти. На нашем пути было ещё четыре избушки, в каждой из которых мы останавливались на шесть-семь дней. От них мы каждый день ходили по окрестностям, забираясь на несколько километров вверх по течению Реки или вдоль одного из её бурных притоков.

Места, как я говорил, были абсолютно безлюдные, скиты начинались гораздо ниже по течению, туристов практически в те времена было совсем немного. Да и то, в основном они появлялись ниже по течению, в километрах двадцати от этого первого нашего стойбища. Дело в том, что Река образовывалась слиянием двух других в месте, которое местные звали просто – Стрелка. Левый приток вытекал из далёкого озера и в основном проходил по широкой долине, окружённой почти на всём пути невысокими горами. В нескольких местах долина резко сужалась и образовывала так называемые «щёки» – узкие каньоны с вертикальными скалами по берегам. Для туристов-водников эти места были довольно опасными и многие неопытные любители экстрима там гибли. Но для опытных этот маршрут был относительно нетяжёлым и соответствовал четвёртой категории. Попасть к озеру для сплава вниз можно было только на самолетике АН-2. Он летал дважды в неделю в маленький посёлок оленеводов, стоящий на берегу озера. Но погода в горах крайне неустойчивая, и по этой причине за сезон этот маршрут проходило всего несколько групп. Часто туристы жили неделями рядом с аэропортом, дожидаясь погожих дней. Мы за весь наш отпуск редко встречали более двух-трёх групп.

Правый приток на всём своём протяжении почти от истоков шёл через узкие каньоны, многочисленные пороги. Маршрут по нему соответствовал высшей, шестой категории. Но малочисленность туристов здесь была связана не столько со сложностью маршрута, сколько с трудностями выхода к его началу. Для этого приходилось сначала лететь до небольшого посёлка, потом искать грузовик высокой проходимости, на котором туристы могли добраться до подножия горной цепи. А далее нужно было пройти сто двадцать километров через перевал с тяжеленными рюкзаками. На перевале даже в середине лета могло выпасть до метра снега.

Редкие группы решались на такое сложное путешествие. За все годы мы могли на пальцах пересчитать тех, которых мы сами видели.

Как я отмечал выше, рассказ стройотрядовского приятеля на меня произвёл впечатление именно своей идеей – стать не туристом и даже не путешественником, а человеком, который проживает этот кусочек жизни так, как когда-то жили все люди. Когда большую часть дня ты занят добычей пропитания и обеспечением своей жизни. Когда ты один на один с нетронутой природой. Когда тебе не надо никуда спешить. Когда ты встаешь и ложишься спать по солнцу. Когда над тобой не висит дамоклов меч – вдруг задержка, вдруг не успеешь вовремя выйти с маршрута и сообщить службе спасения, вдруг не уложишься в норматив, вдруг не сможешь – о, позор! – пройти этот порог... И наплевать, что ты ничего, кроме воды и скал вокруг, ничего больше не видел. Зато гордо скажешь у себя дома: шестая категория – это тебе не хрен собачий! И восторженные юные туристочки будут показывать на тебя, шепча восхищённо...

Помню, однажды мы стояли в избушке рядом с последним скитом. Там жили две сестры: Харитина – старшая и Вера – младшая. Харитина, сухопарая, чуть выше среднего роста, в классическом монашеском одеянии, с замедленными движениями и строгим выражением лица. Вера, наоборот, чуть больше полутора метров ростом, круглолицая, шустрая и донельзя говорливая. Наша избушка была в сотне метров от их жилища, которое производило жуткое впечатление сооружения, которое вот-вот развалится. Стены со всех сторон были подпёрты брёвнышками, крыша латаная-перелатаная. Все хозяйственные постройки, небольшой дворик и многочисленные переходы были под одной крышей. Выглядело это жутковато, но невероятно живописно. Охотники нам рассказали, что избушка Харитины и Веры так выглядит уже последние лет двадцать. Сёстры вели огород, держали корову, телёнка и кур. Было также несколько ульев. Собственно, больше им ничего и не надо было. Внутри изба выглядела гораздо приличней, чем снаружи, но была полна клопов и туда заходить без надобности мы избегали. Каждое утро Вера начинала шастать вблизи нашей избушки, нетерпеливо ожидая, когда мы проснёмся. Стоило только кому-нибудь из нас выйти, как она шустро ныряла сквозь изгородь и, держа в руках гостинец, тут же усаживалась на крыльцо. Против гостинца мы никогда не возражали, будь то кусочек свежего масла на капустном листе или горка домашнего творога. Эти гостинцы приятно разнообразили наше и так достаточно богатое меню. Вера устраивалась поудобнее и начинала трещать как сорока. Болтала, перескакивая с пятого на десятое, где правда, где вымысел – не поймёшь. От Веры мы узнали, что знаменитые Лыковы (сибирские отшельники-староверы, о которых журналист Василий Песков опубликовал в свое время в «Комсомольской правде» серию репортажей, имевших большой резонанс) были им родня; что Лыковых тут многие знали и что Песков, судя по её словам, мягко говоря, приукрасил действительность. «В тайге, – говорила Вера, – немало таких, ушедших от мира. Охотники их знают и помогают понемногу». Избавиться от говорливой Веры можно было двумя способами. Первый – предложить помочь. Для меня всегда находилась работа: то дрова поколоть, то жердину в лесу вырубить, то забор поправить. Но был ещё второй, менее хлопотный способ. Стоило нам закурить, причём, не только мне, но и жене, как Вера неодобрительно хмыкала, говорила свою излюбленную фразу:

– Будешь курить зелье окаянное, аккурат в геенну огненную угодишь! Одно спасение – удалиться в пустынь аки орёл крылатый!

После это она вспоминала о делах и исчезала.

В этом месте долина раздавалась вширь. По течению Реки от берега до скал тянулся луг, с пару километров в длину и почти с полкилометра в ширину. Здесь был сенокос наших друзей и здесь же они оставляли немного сена для старушек. Луг упирался в небольшой грибной перелесок, который выходил на берег бурного притока. Перейти его вброд с шестом мне было нетрудно, даже с женой на плечах. А если идти вверх по притоку, то в четырёх километрах от устья можно было попасть в фантастической красоты каньон. Вода прорывалась

через узкий проём в скалах с идеально ровными вертикальными стенами, словно воротами и падала вниз небольшим водопадом. Омут под водопадом был рыбным и мы с женой часто приходили сюда... подремать. В пространстве, замкнутом с одной стороны скалами, по краям крутыми берегами, густо покрытыми деревьями, под воздействием солнца на водяную взвесь образовывалось несметное количество отрицательных ионов. Минут двадцать я ловил хариусов на обед, а потом мы с женой, сморившись от избытка озона, растягивались на прогретых солнечных лучами огромных валунах и дремали пару часов. После такой физиотерапевтической процедуры организм пел и требовал немедленного подкрепления – голод был просто зверский. Тут же разводился костер и я зажаривал парочку хариусов, чтобы, значит, наскоро перекусить перед обедом. От избушки по крутой тропинке можно было подняться вверх. На высоте метров триста над уровнем Реки начиналась неширокая пологая долина, через которую бежал ручеёк. Долина постепенно поднималась всё выше и выше. Поначалу её окружали невысокие склоны, поросшие с северной стороны травой и мелким редким кустарником, а с южной – лиственницами, берёзами и осинами. Северный увал в середине июля в хорошие годы казался красным из-за обилия горной клубники – самой вкусной ягоды, которую мне приходилось пробовать в жизни. Мы собирали её, перетирали с сахаром и получали что-то вроде варенья потрясающего вкуса. Со сбором клубники медлить было нельзя – как только ягоды созревали, медведи выедали всё на корню и приходилось собирать уже по яголке или долго искать нетронутые участки. Долина была покрыта по пояс травой, в ней пряталась самая разная живность – от кабанов до глухарок. Через несколько километров долина кончалась, начиналась глухая тайга и тропа вместе с ней круто вздымалась вверх. Если пройти ещё несколько километров, то можно было выскочить на край леса, откуда открывался вид на альпийские луга и далёкие заснеженные вершины. Часто мы переходили вброд приток Реки и шли ещё несколько километров. Долина резко сужалась, Река делала несколько поворотов, и на галечных косах я ловил спиннингом лосося, которого здесь называли ленком.

Наших приятелей, которые собирались у нас дома отведать таёжных деликатесов, больше всего потрясали не описания красот или наших встреч с местным населением, а наше таёжное ежедневное меню. Как я отметил ранее, особенностью образа жизни в тех местах было то, что почти всё время мы тратили на добычу пропитания. Как правило, с собой мы брали чай, кофе, сахар, соль, пряности, муку, немного сухарей и крупы. Остальное добывали сами ружьем и удочкой. Ружьё обеспечивало нас мясом. За все годы я только один раз принял участие в охоте на козулю и когда увидел дело рук своих, закаялся стрелять в кого-нибудь крупнее глухарки. Поэтому основной нашей добычей были рябчики, которые водилось там в изобилии. Более того, часто утром, выйдя из избушки, я слышал их нежный пересвист. Буквально в десятке метров на ветвях дерева сидела целая стая. Жена говорила мне, сколько штук нам потребуется сегодня и я, как в тире, сбивал двух-трёх. После первого выстрела стая не улетала, с интересом наблюдая, как один несчастный кувырком падал на землю. Иногда они попадались во время наших походов по окрестностям. Бывало, мы встречали стайки глухарок или копалух, как их звали местные. Одной нам вполне хватало на два дня. Самцов же глухарей я встречал лишь однажды, но в них не стрелял. Куда нам пять-шесть килограммов мяса! Случалось, что нас посещали охотники и тогда они привозили излюбленное наше лакомство – мясо, печень и язык марала. Более вкусного мяса мы не пробовали никогда. Даже кусок чистой мякоти, сваренный в воде, был нежным и ароматным, а про бульон и говорить не приходится. Шашлык из печени доводил до изумления, а отварной язык в качестве закуски был несравним с иными деликатесами. Но все-таки основной нашей пищей была рыба. Каждый вечер я ставил донки. Это три-четыре больших тройника, на которые наматывались кишки рябчиков, глухарок или внутренности пойманных ранее хариусов. Донки забрасывались в небольшие заливчики с песчаным дном. Утром на каждом тройнике сидело по налиму. Небольших, граммов по пятьсот-семьсот. Я их потрошил, складывал в большую миску знаменитую печёнку, одного брал

с собой, остальных оставлял воронам и мелкому зверью. Не корите меня за такую расточительность. Однажды, когда совсем стемнело, я подошёл к месту, куда недавно забросил донку и осветил дно фонариком. Дна не было видно, несколько десятков налимов крутилось вокруг наживки! В тех местах налим, как и елец, считался сорной рыбой! Жена случайно обнаружила, что уха из налима с гречневой крупой просто объедение, особенно когда я добавлял в неё перетертую с солью печёнку. Впрочем, печёнка, приготовленная в водяной бане, была самостоятельным блюдом. После неё хваленая тресковая печень казалась грубой и примитивной пищей! Но ни что не могло сравниться с хариусом. В Реке он редко достигал веса более полутора килограммов. Чаще всего я ловил грамм под восемьсот. Двух штук нам вполне хватало на обед. Для правильного приготовления рыбы, её нужно было выпотрошить, добавить внутрь немного соли и подождать с полчаса. За это время разводился большой костёр. Угли, по мере образования и прогорания, осторожно сгребались в сторону. Далее хариус нанизывался на деревянный шампур через пасть вдоль хребта, после чего его нужно было обжечь на сильном пламени. Главное – не передержать! Как только чешуя задеревенеет и примет коричнево-золотой окрас, рыбу переносим над углями и доводим до готовности, обжаривая её то с одной, то с другой стороны. Признаком готовности служит момент, когда рыба провернётся на шампуре. Теперь выкладываем её на доску, аккуратно раскрываем и чайной ложечкой, повторяю – чайной ложечкой начинаем есть это ни с чем не сравнимое по вкусу нежное мясо. Ещё одно восхитительное блюдо из хариуса готовилось совсем просто. Выпотрошенный и очищенный от чешуи хариус нарезался небольшими кусочками и с вечера заливался маринадом – теплым, но не горячим, не более шестидесяти градусов. Маринад изготавливался из сока красной смородины, воды, соли и пряностей. Утром хариус был готов. Описать вкус не могу – надо пробовать! Хорошо шёл лосось. Мы его жарили на сковороде на обычном растительном масле, которое покупали на развес в деревеньке. Из муки мы пекли лепешки и употребляли их с перетёртыми с сахаром клубникой или чёрной смородиной – с кофе по утрам или с чаем на ужин. Помимо смородины, чёрной и красной, в тех местах росла странная ягода. Местные называли её казарган. Куст и сами ягоды по виду были абсолютно такими же, как красная смородина, но... чёрного цвета. Сок этого казаргана был такой въедливый, что в принципе не отстирывался. Моя шапка, в которую я собирал ягоды, за долгие годы приобрела тёмно-фиолетовый цвет. Из этих ягод получался дивного вкуса компот. Жена, сварив в котелке, ставила в журчащий рядом холоднющий ручей и в жару мы наслаждались сводящим зубы напитком. Рос в горах и дикий крыжовник. Мы его недолюбливали, так как часто приходилось продирааться через его колючие заросли. Ягоды крыжовника были мелкие, но вкусные. Малина встречалась лишь изредка, а костяника просто устилала подлесок сплошным ковром.

На первое жена варила изумительные супы из глухарок с грибами. На скалах рос горный лук. У него была важная особенность, из-за которой его почти извели в низовьях Реки. Зимой, в лютые морозы, он замерзал в камень, а когда оттаивал, то ничем не отличался от свежего. Для охотников зимой в тайге он был просто необходим. Лук был зверски острый и придавал супам изумительный вкус. Жена нарезала его тоненькими кольцами, посыпала солью и перцем, обрызгивала соком красной смородины и долго мяла руками, или, как она выражалась – «жмакала». Вечером такой «жмаканный» лук в качестве салата шёл «на ура» с кусочками холодного рябчика, маральего языка или налимомъей печенки. Под водочку, которую мы получали, разбавляя чистый питьевой спирт ключевой водичкой! Да что тут говорить, даже этого короткого перечня хватит тебе, читатель, чтобы давясь слюной, ты рванул прямо к холодильнику и, приотпывая ногами от нетерпения, стал кромсать кусок вареной колбасы, хрустя солёным огурчиком...

Я вспомнил об этих красотах и гастрономических безумствах вот по какой причине. Как я отметил выше, мы уже почти неделю жили рядом с Харитиной и Верой. И вот, днём, когда только мы вернулись из похода за клубникой и сидели на берегу у костра, из-за поворота Реки

показались два плота с туристами. Они поравнялись с нами, замахали руками, мы ответили тем же и через несколько минут плоты скрылись за поворотом. Я зажарил двух хариусов. Мы тут же их пустили в оборот, чай вскипел, и мы уже собрались продолжить трапезу, как из зарослей тальника на берегу вышли двое парней. Они подошли к нам, поздоровались и спросили кто мы и откуда. Я, прежде чем отвечать вежливо спросил, не москвичи ли они. Дело в том, что и мы, и местные жители москвичей, мягко говоря, недолюбливали. Не буду распространяться почему, просто, не любили – и точка. Оказалось, что они ленинградцы – а это другое дело. Мы представились и предложили выпить с нами чаю с вареньем. Те с благодарностью согласились и мы разговорились. Шли они по этому самому опасному маршруту. Спешили, так как уже выбились из графика из-за снегопада и сильного ветра на перевале. По этой причине шли по реке почти без остановок и сегодня была лишь вторая на их пути полноценная днёвка с баней на берегу. Баня, это конечно сильно сказано. Туристы просто разводили огонь на берегу, разогревали камни, набрасывали на них ветки, накрывались большим куском брезента и лили воду на раскалённую гальку. Кстати, о бане. У одной из избушек, стоящей в нескольких метрах от ручейка была настоящая баня. Она осталась ещё с тех времён, когда рядом было небольшое поселение староверов на три семьи. Баню охотники поддерживали в рабочем состоянии и мы с семьёй не пропускали возможности попариться. Баня, естественно, топилась по-чёрному. Но это было так приятно – распарившись свежими вениками, выскочить к ручью и бухнуться в воду, температура которой едва ли превышала восемь градусов!

Командир и его зам стрельнули у нас по сигарете – свои у них подмокли и теперь сушились рядом с огнём – и стали расспрашивать о том, что здесь имеется вокруг и чем мы тут занимаемся. И чем больше мы пели про красоты, мимо которых они пролетели, про гурманские изыски, про то, как мы не спеша бродим здесь, тем больше у них вытягивались лица. Потом один вдруг спохватился и сказал, что надо идти к своим. В дорожку мы насыпали им в шапку клубники. Утром прошлись вниз по Реке. Через километр обнаружили следы стоянки, а туристов и след простыл. Мы медленно побрели назад в полном недоумении – ну, зачем спрашивается, так мучиться, чтобы пролететь мимо настоящего рая! Ну, и фиг с ними, и со всеми им подобными. Пусть надуваются от гордости за свои подвиги, пусть тешат себя мыслями, что они здесь были! Ни черта подобного, не было их здесь! Это мы были и будем – будем до тех пор, пока ноги держат и глаза видят! Эх, ну зачем же Союз надо было разваливать!

Я упоминал выше, что иногда нас посещали охотники, сыновья Прокопия с жёнами и иногда его племянники. Вообще, когда мы были относительно недалеко от их деревеньки, они старались приплывать каждое воскресенье. Для староверов воскресенье ВСЕГДА выходной. Бывало, кончился сенокос. Сено подсохло и его надо сгребать в копны. Каждый погожий денёк на вес золота. Но... Воскресенье, жара, солнечно, на небе ни облачка. И хотя все знают, что в понедельник точно пойдет дождь, никто даже мысли не имеет, чтобы в святой день выйти на работу. В этот день летом в деревеньке все наряжались по-праздничному и шли к волейбольной площадке. Там начинались настоящие баталии. В состав команд входили и мужики, и бабы. Играли азартно, орали и игроки, и зрители. Никакой техники у игроков не было, они били по мячу растопыренной ладонью с такой силой, что, когда по настоянию приятелей, я вошёл в состав одной из команд, то вскоре так получил мячом по голове, что тут же из игры и выбыл. На мой вопрос, почему же они в футбол не играют, Павел, средний Прокопьев сын, смутившись ответил, что «никак нельзя, азартны мы, поубиваем друг друга...»

Ну, ладно, в деревеньке по воскресеньям было чем заняться. «А что делать зимой, когда охота, а охотничать нельзя?» – пристал я к Павлу. Павел степенно отвечал, что зимой он высыпается всласть, не спеша готовит завтрак, а потом на лыжах идет к Реке.

– Помнишь, – говорил Павел, – за Узким порогом с нашей стороны россыпь высоченная. Там у меня есть избушка, я от неё в понедельник начинаю круг по другим, моим пяти

расставляя капканы и собирая попавших белок и соболей, и к ней же я в субботу возвращаюсь. Так вот, чуть дальше, где вулкан взорвался, ты небось видел штыри (пики, по-нашему) торчат, а среди них один, с вершиной будто бы седло. Так вот, я заберусь наверх, усядусь и... люблюсь. Пока солнце не скроется. Ну, и опять в избушку.

Ну, что тут скажешь!!!

К нам также навевались в гости охотники, чтобы, по их словам, «погугарить с умным человеком», т.е. со мной. Жена и сын не выдерживали этого испытания и втроём с ружьем удалялись на безопасное для ушей расстояние. Правда, когда сын был ещё маленьким, он часто оставался и, развесив уши, жадно впитывал. Жена же... Жена грустила вдали на берегу Реки. С собой охотники привозили то свежие огурчики-помидорчики, то настоящие солёные грузди, творог, масло, копчёное мясо и прочее. Если их визит не попадал на пост, то мы устраивали совместное пиршество. Они расстилали скатерку для себя, мы – в сторонке, для себя. Никакого алкоголя они не употребляли, но пили медовуху, да и то, по праздникам или, иногда, по воскресеньям. Медовуха – напиток изумительно вкусный, пьется легко, но обладает жутким свойством – голова ясная, а ноги не идут. По понятиям староверов им нельзя с нами, мирскими, есть за одним столом. Сначала нам это казалось диковатым, потом мы привыкли. Жены у староверов поголовно имеют только начальное образование, как впрочем, и мужья. Хотя все мужики прошли армию. Военкомы дрались за каждого. Лучших солдат было не найти. Не пьют, не курят, матом не ругаются, начальство уважают и даже почитают. При них никакой дедовщины. Огромные, сильные как медведи, они враз наводили порядок в подразделении и защищали молодых солдат от дембелей и старослужащих. Про стрельбу и говорить не приходилось – в пятак слёту попадали. Одна проблема была для бедолаг – подчиняясь воинскому уставу, им приходилось сплошь нарушать свой религиозный устав. По этой причине по возвращению домой им следовало отмолить грехи. Дело это было непростое. Местный староста и главный законодатель общины, родной брат Прокопия Макарий, накладывал такую епитимию, что мама не горюй! Но голь на выдумки хитра. Была в строгом законе небольшая лазейка. Отмолить грехи в принципе мог за грешника кто-нибудь посторонний. Но где ж такого найти! Ан нет, были такие – и отнюдь не дураки.

Приблизительно на середине пути от этой моей избушки до деревеньки находился настоящий маленький монастырь-скит, где жило пять старушек, «матушек» – как к ним надо было обращаться. Настоятельницей была матушка Надежда, в миру – полная тёзка моей жены, что в значительной мере расположило игуменью к нам в целом и к жене – в особенности. Мы всегда навещали это место. Ночевали в гостевой избушке, стоявшей в сотне метров от келий. Мы старались что-то полезное сделать для матушек – лук ли собрать, дрова поколоть, сено сметать. Сено для скита косили охотники на косилке с конским приводом, потом они же сгребали его в небольшие копёшки. Когда сено подсыхало, его надо было свезти в одно место и сметать в большой стог. Возили сено конями. Для этого под копёшку проталкивали палку и верёвкой стягивали концы, так что сено было этой верёвкой прижато, а палка служила вроде как одной лыжей. Возить копёшки обожал мой сын, сидя верхом на лошади, а мы с женой и со старушками, с теми, что были покрепче, метали стог. Мне было несладко – раздеваться даже в жару было не положено. Максимум, что я мог себе позволить, это расстегнуть воротник рубашки, да штаны закатать до колен. Жене проще – платье можно было одеть на голое тело, но платок на голову – обязательно. За работу нас кормили. Помню, однажды вечером после работы нас позвали вечерять. Подали суп в глубоких мисках. Мясо с домашней лапшой. Сын хлебнул и аж глаза закатил. Вкусно! Вычерпал всё, куснул мясо и шёпотом нас с женой спрашивает, мол, что это, никогда такой вкуснятины не пробовал! А я ему, дескать, курятина это. Не может быть, вытаращился он. Так эта курица всю свою недолгую жизнь провела на воле и ела она, что сама тут же во дворе да за забором находила. Ну, иногда жменьку зерна получала. Вот, что

значит натуральный продукт! Скит состоял из двух избушек и кучи хозяйственных построек. Они все соединялись деревянными дорожками и находились под одной крышей. Половину одной из избушек занимала просторная молельня. То ли часовня, то ли церквушка. Стены были увешаны многочисленными образами и иконами, там матушки молились круглые сутки, за исключением непродолжительного сна и обязательных работ. Вот к ним-то и приезжали охотники по поводу епитимий, наложенных грозным Макарием.

Как-то раз мне пришлось быть свидетелем такого действия. Я сидел за столом и ждал обеда. Жена и сын уже поели и валялись на берегу Реки. Неожиданно в келью вошёл незнакомый мне парень, низко поклонился, перекрестился и присел рядом. Это был Иван, племянник Прокопия, с неделю как из армии. Появилась игуменья. Ванька вскочил, низко поклонился, достал из большого мешка несколько толстых, в пять пальцев, дисков, диаметром со среднюю тарелку и опять с поклоном передал матушке. Та его поблагодарила, кликнула повариху. Та вынесла тарелку мне и Ивану. Отобедав, мы встали, и я направился к своим, а Иван, задержавшись на минутку, сказал игуменье:

– Ты, уж матушка помоги! Епитимья на меня наложена невыносимая. А дел-то сколько – не успею. Помолись за меня, грешного

Иван сделал паузу и добавил. – Вощины я ещё привезу через недельку-другую.

– Ну, ладно, – ответила матушка. – Отмолим, ездай с Богом!

Посещая каждый раз матушек, я словно попадал совсем в другой, абсолютно нереальный мир. Особенно врезался мне в память один эпизод. Однажды я решил прилететь в эти края зимой. Очень хотелось увидеть воочию, как тут происходит жизнь при минус сорока. Я был потрясён красотой зимней природы. Несколько дней провел у матушек, гулял вдоль реки, дышал свежайшим и таким сухим воздухом, что мороз практически не чувствовался. Стояла просто невероятная тишина. Дым из трубы поднимался вертикально вверх и таял высоко-высоко в небе. Местами на Реке образовывались полыньи, и рядом с ними от испарения воды кусты и деревья покрывались невиданным мной ранее инеем. Его иглы были длиной до десяти и даже пятнадцати сантиметров. Я тогда ещё курил и, дымя сигаретой, прошёл пару километров. Постоял полчаса, любуясь открывшимися видами, и двинулся назад. Удивительно, но прошло уже более часа, а дым от сигареты висел длинной тонкой струйкой на всём протяжении моего пути к дому! В один из дней, после позднего обеда, когда уже начинало смеркаться, матушка Надежда вдруг предложила мне остаться и послушать. Я удивился, но остался. Она достала тоненькую тетрадку. Судя по виду, ещё дореволюционного производства. Остальные монашки, словно стайка воробушек, расселись вокруг на полатах, и игуменья начала читать. Оказалось, это были описания деяний местных святых. Надо отметить, что староверы Библию, особенно Ветхий Завет, особо не жалуют. Помимо Евангелия основной священной литературой им служат рукописные истории, поучения, описания чудес, записки отшельников. И вот, представьте себе: келья, иконы, лампадка под каждой, свечи на столе, монашки в одеянии, игуменья, читающая с выражением про чудесное спасение от медведя какого-то местного угодника – какая тут цивилизация, где мы? В какой-то момент я потерял чувство времени, мне вдруг показалось, что вот-вот в дверь вломятся опричники царя Иоанна Васильевича, заломят мне белы ручки, вытащат на свет божий, да и полетит моя головушка, нехристя бесстыжего, на снег чистый... А Надежда всё журчит, монашки ойкают, сопереживают. У меня уж совсем крыша едет. Где я? Кто я? Тут чтение прекратилось, я очнулся, а матушка и говорит:

– Что, небось, думаешь сказки всё это? Так вот: прошлой осенью матушка Анафролия прибегает – лица нет, кричит. Ещё чуть-чуть – и сомлеет. «Ой, – кричит, – медведь на пасеке!» Но что делать? Подхватилась я – и бегом. И точно: стоит, ирод, на задних лапах, на плетень опёрся. Вот-вот и проломит. Я к нему ближе, ближе. Анафролия вцепилась в меня и тянет – не пуцу, дескать. Я сама дрожу, но тут как начала молитву святому Николаю-заступнику воз-

носить! Молюсь громко, аж кричу. И тут мишка окаянный рыкнул, опустился на все четыре лапы и пошёл в лес. Вот, видишь – сила-то какая в молитве заключена!

Через пару лет мы с женой и сыном опять навестили матушек. Два дня гостевали, сено помогали убрать. Под конец пришли к игуменье прощаться, поскольку пора было и честь знать. Тут матушка Надежда и говорит: «Пойдем, покажу». Мы прошли в небольшую пристройку. Половина её была отгорожена решёткой из толстых деревянных прутьев. За нею на широкой лавке лежала старушка, укрытая каким-то рваньем. Мы, остолбеневши, уставились на неё.

– Это что это, это кто это? – чуть заикаясь от неожиданности, спросила жена.

– Да Марьюшка это, – ответила игуменья.

– А что это она тут делает?

– Да с головой у неё не все в порядке. Пришла помирать, да задерживается. Видать, что к Господу ещё рано.

– А почему в клетке-то?

– Дык мажется она.

– ???

– Ну, дерётся. Так мы её в клетку, пусть там сидит. Подождём, пока Господь не заберет.

Оказалось, что в монастырь приходят совсем уж немощные старики и старушки. Чтоб, значит, помереть в святом месте... Сама матушка Надежда была твёрдым руководителем своего небольшого коллектива: грамотная, умная, говорила на очень правильном русском языке, но зачастую использовала давно вышедшие у нас словечки. Хорошо рисовала. Основными сюжетами были картинки из жизни: марал, пасущийся на полянке, рябчики на ветке, стая глухарок, избушка... Рисовала она гусиным перышком, а в качестве красок использовались растертые в мельчайший порошок грифели цветных карандашей. Порошок разводился лампадным маслом, а карандаши сначала привозили охотники, а позже мы. Она дарила нам эти картинки, а также коврики, сотканые из лоскутков ткани.

Несмотря на всего лишь начальное образование, местные мужики были и рукастые и очень даже головастые. Они не только блестяще владели исконными крестьянскими навыками, но и разбирались в технике, мастерили всякие приспособления. Жена им кучу разной специальной литературы по обработке металла слала, а я инструмент всякий. Каждый раз приезжая, я не переставал удивляться – то из бензопилы вертолет задумали, то в лодку мотор от автомобиля попытались приспособить, чтобы сделать водометный двигатель, то из мотоцикла замечательный снегоход соорудили, то просто чудили из удовольствия. Как-то раз мы с моим питерским дядюшкой жили несколько дней в дальней избушке. Ждали Павла Прокопьевича и его приятеля Яшку. Они были женаты на сёстрах и дружили с детства. Я ещё весной сговорился с ними, чтоб доставили нас с моим дядюшкой далеко вверх по течению в место, где когда-то, много тысячелетий назад взорвался вулкан. Раскалённая лава пропилила в скалах русло Реки, и пейзажи там были фантастические. Дядюшка жаждал их запечатлеть и согласился оплатить парням доставку и сопровождение. Неожиданно к нам в компанию прибавились ещё один Прокопьевич, Константин и его двоюродный брат Иван, сын Макария Ермогеновича. Они за неделю до этого накосили сено на большом лугу, в двух километрах от нашей избушки ниже по течению Реки. Теперь же надо было свезти все копёшки в одно место и сметать большой стог на зиму. Здесь сходились границы их охотничьих участков, и сено требовалось лошадям. Я тут же вызвался возить копёшки, а дядюшка решил забраться на вершину высокой горы, чтобы сделать несколько панорамных снимков. Но парни задумали «упростить» свою работу. Они нашли на краю поляны две лиственницы и собрались сметать стог между ними. Почти два дня они потратили, чтобы из двух обрубков дерева вырезать ножом крюк и блок, чтобы с их помощью метать сразу целиком копёшку! Я возил, они метали. Блок привязали к натянутой между деревьями верёвке. Перебросили через него другую верёвку, к её

концу привязали крюк, которым поддевали копёшку. Один из охотников, таща за свободный конец верёвки, поднимал копёшку, второй – без усилий укладывал её на место в большущий стог. На всё ушло почти три дня. Займись они метанием стога по старинке, управились бы за день! В разгар работ на коне подъехал к нам их родной по матери дядька Савва. Он смотрел, смотрел на их работу, потом плюнул и проворчал, дескать, вот чего вздумали, делать парням нечего, и поехал дальше. Его зимовье было рядом, и он решил проверить всё ли в порядке. Лето выдалось сухое, и медведь шалил, грабил запасы охотников, так как и ягод и ореха было мало.

Прокопьевичи вообще выделялись своей грамотностью среди всех обитателей деревеньки. Они выписывали кучу самых разных журналов – от чисто технических до «Науки и жизни» и даже «Юного техника». Интересовались политикой и донимали меня вопросами о жизни, как они говорили, «на Большой земле». В то же время они сохранили эту детскую непосредственность, наивность в хорошем смысле слова. Они были искренне религиозными и противились, как могли таким благам цивилизации, как радио и телевидение. Они искренне верили в разные сказочные чудеса, леших и ведьм. Однажды мы сидели у костра. Яков, тогда совсем ещё молодой парнишка, только вернувшийся из армии и сватавшийся к сестре жены Павла, вдруг сообщил мне, тараша свои огромные, цвета крепко заваренного чая, глазища:

– Я весной беся видел! Настоящего!

– Да ну! Не может быть! И как он выглядел, успел рассмотреть?

– Да. Вхожу я в комнату, а там над стулом вертится! Вертится, вертится, жужжит! Такой небольшой, с метр в длину и шириной почти в половину!

– Ну, а рожки, хвост да копытца заметил?

– Да вы что! Да если б я рожки да хвост узрел, так тут бы и сомлел. А может быть, и помер со страху!

Позднее у нас в магазинах появилась электронная игра «Ну, погоди!». Там на крошечном монохромном экранчике с нарастающей скоростью летят яйца, которые ловит волк. Управляя кнопками, надо было ловить эти яйца и зарабатывать очки. Популярна игрушка была невероятно. Мы с трудом купили себе и сыну в Ленинграде и захватили в тайгу. Приехавшие навестить нас охотники увидели невиданную диковинку, заинтересовались и попросили дать поиграть. Лучше бы я им ничего не показывал. Забыв обо всём на свете, здоровые мужики по очереди резались в игрушку так азартно, что я стал бояться, что они просто раздавят хрупкую коробочку. Учтывая, что мелкие кнопочки никак не были рассчитаны на их пальцы, каждый из которых был как мои два, далеко охотники не продвигались. Они оралы, переживали, выхватывая коробочку друг у друга из рук. Спихнулись, когда солнце уже садилось – прыгнули в лодку и уплыли домой.

Слух об игрушке распространился мгновенно. Через несколько дней мы остановились в следующей избушке. В нескольких километрах от неё жил в полном одиночестве монах-отшельник. В миру ранее был Бориской, а ныне стал отче Боголеп. Не успели мы разложить вещи, как в проёме двери возникла знакомая фигура. Отче в скуфейке, монашеской рясе, подпоясанной узорчатым пояском. Чуть выше меня, но не более метра восьмидесяти, с окладистой, рыжей с проседью бородой. Поздоровался, зашёл и присел на край полатей. Как и положено разговор пошёл о том, о сём, о погоде, рыбалке, урожае. Он расспрашивал о новостях из большого мира, интересовался, будет ли война. Наконец, помолчав с несколько минут, он сказал:

– Говорят, ты тут беся всем показываешь?

– ???

– Ну, парни мне рассказывали, что коробочка у тебя, а там беся прыгает.

– А, понятно. Ну, на, посмотри.

Я протянул ему игрушку, включил и объяснил. Не забуду эту странную и уморительную картину. Стемнело, мы зажгли свечи и в их неровном свете монах в скуфейке и рясе тыкал

в кнопки, пытаюсь поймать яйца в корзину в лапах у волка. Сквозь открытую дверь слышался шум Реки, тень монаха колебалась на стене и, он сам производил какое-то фантастическое и нереальное впечатление. Потыкав в кнопки с полчаса, он отложил игрушку, покачал головой и горестно промолвил:

– Вот ведь искушение-то какое! Грех это, спрячь. А я пойду, отмолюсь, всю ночь придется грех замаливать. Нехорошо мне.

Поднялся, перекрестился и быстрым шагом пошёл по тропинке.

Надо сказать, что староверы жили легко, себе в удовольствие. Их образ жизни разительно отличался от привычного крестьянского бытия в наших краях. Никто здесь не вскакивал с рассветом, не надрывался за трудодни. Основное занятие – охота, да сбор плодов тайги. Они заготавливали и сдавали ягоды, грибы, кедровый орех. Кстати, за это платили очень даже прилично и нужды в деньгах никто в деревеньке не испытывал. Коров доили утром кто в восемь, кто аж в девять часов. Открывали ворота и пинком выгоняли скот за околицу. Деваться коровам было некуда. В гору не полезут, а чтоб совсем уже далеко не забредали, в паре километров от деревеньки долину перегораживали лёгкой изгородью. На шее каждой коровы вешалось так называемое «ботало» – что-то вроде колокольчика. По этим звукам их и находили, если вдруг те забывали идти домой. Это случалось крайне редко. Да, бывало медведь задирали, но только в совсем уж голодные годы. А в обычное время пропитания мишкам хватало и без бандитских набегов. Хлеб староверы пекли сами, в магазине брали муку, крупы, сахар, соль, растительное масло, но никогда ничего из готовых продуктов типа тушёнки или других консервов. Все следовали неписаным законам, двери никто не запирали, праздники гуляли от души, посты соблюдали жёстко. Стоило нам нарваться на очередной пост – кроме стакана кипятка, ломтя хлеба с вареньем на столе для нас более ничего не появлялось. Не то, что в скоромные дни! Старики, выходя на пенсию, получать пенсию отказывались. Считали, что не богоугодное это дело – получать деньги ни за что. К врачам практически не обращались, что часто просто их губило. Так что жизнь староверов в наши дни ничем не отличалась от той, которую вели их отцы, деды, прадеды... Власти их не доставали и особенно не тревожили. В переписи населения все участвовать отказывались, но на это смотрели сквозь пальцы. Переписчики сами вписывали то, что надо было для отчётности. Паспортов отшельники и монашки не имели, потому что фотографироваться – это грех. Мы, кстати, щадили их принципы и, если фотографировали, то исподтишка чтобы не травмировать и не накладывать самим на себя строгие епитимьи.

Многое случалось за эти годы. И попадали мы в передряги, но и забавных случаев было немало. Помню, стояли мы в избушке на берегу красивейшего притока реки. Через него был перекинут добротный деревянный мост. Почти напротив устья притока прямо на середине Реки торчала скала, даже не скала, а небольшой островок. Он разделял стремнину на два потока. Ближайший к нам был неглубок и порожист, а тот, что огибал островок со стороны противоположного берега, был полноводен, но с ровным дном.

Жара, сын болтается у воды – там небольшой спокойный заливчик с чуть более тёплой водой, жена разлеглась, в чём мать родила на огромном валуне, который слегка вдавался в Реку. Мы так привыкли к одиночеству, что ходили практически голыми. Жена перестала стесняться сына, а он привык и не обращал никакого внимания. Я сохранял на себе трусы – продираться через кусты с болтающимся без защиты инструментом было чревато для инструмента. Да и больнооо! Сын защищал своё достоинство таким же образом. Ну, а у жены цепляться было, как вы понимаете, нечему. Неожиданно из поворота на Реке появился плот.

– Ма, – заорал сынишка, – смотри, туристы плывут!

Жена встала, приложила руку к глазам и застыла, рассматривая приближающихся, которые были сплошь мужики и которые уставились на необычное видение – голая нимфа аки Лорелея, завлекающая простодушных моряков. Плот несло прямо на скалы. Я завопил жене:

– Ложись, бесстыдница!

Она услышала, вспомнила и скатилась за камень. Мужики очнулись и, гребя из всех сил, успели в последнюю секунду проскочить скалу. Представляю, что они говорили про нас друг другу!

Из всех реальных опасностей самой реальной были медведи. Их там водилось множество, но почти всегда к реке они не подходили, а паслись гораздо выше. В ягодниках да в кедровниках. Но в голодные годы спускались ниже. За всё время у меня было несколько малоприятных встреч с ними. Реально опасными были две. Однажды мы путешествовали там втроём с сыном и шурином. Коля, так звали шурина, был заядлым рыбаком, но человеком в таких приключениях новым и неопытным. Жена в тот год бодалась с диссертацией и, скрепя сердце, отпустила наше трио. Коля не был склонен много ходить с рюкзаком, но охотники дали нам небольшую надувную лодку. Она с трудом вмещала нас троих, и мы придумали классное развлечение. Рано утром мы уходили от избушки вверх по Реке километров за двадцать, а то двадцать пять. Там в каком-нибудь красивом месте отдыхали, рыбачили, а затем садились в лодку и медленно спускались к избушке. В опасных местах обносили её по берегу, рисковать не хотели. Каждое утро я делал пробежки по окрестности нашего жилья, высматривая следы медведей. Но лето было хорошим, и за всё время следов я не видел. Значит, они были вверху и к реке не выходили. Видя такое, Коля стал меня убеждать не брать с собой ружьё. Мясо мы добывали возле избушки, так что никакой необходимости в нём в наших походах не было. Тем более, что уронить оружие в воду можно было запросто. И, наконец, я внял его уговорам и ружьё оставил. В этот раз мы дошли до невероятно живописного места. В Реку вдавался полуостров, точнее почти остров. В невысокую воду он соединялся с берегом тонким перешейком. Высотой был метра четыре и почти округлой формы. Мы его облазили и устроились поближе к перешейку. Сзади чуть правее было небольшое озерцо, оставшееся с весны, когда полуостров был реальным островом. Мы развели костёр, зажарили хариусов и пообедали. Было жарко. Я сбросил брюки и башмаки, сидел в одних трусах, как и сын с Николаем. Костёр прогорел, мы съели по первой рыбине и взялись за вторую. Вдруг мой сын встал и сказал шёпотом:

– Па, медведь, – и указал на густые кусты, растущие по краю полуострова. Там действительно что-то мелькало.

– Да нет, какой медведь. Кабан, точно. Помнишь, два дня назад мы видели, как парочка Реку переплывала. Он, наверное, и переплыл на полуостров после того, как мы с него ушли. – Однако, присмотревшись, я добавил, – да нет, кажется, ты прав, точно медведь.

Дальше всё произошло как в замедленной съёмке. Сын взвизгнул, развернулся спиной к острову и взметнулся в воздух. Как он потом мне пояснил, совершенно инстинктивно решил нырнуть в озерцо. Можно подумать, что это его бы спасло! Как только медведь узрел нечто убегающее от него, то взревел и с широко открытой пастью взлетел над кустами за ускользящей в нашем направлении добычей. Коля, увидев летящего почти прямо на него медведя, дёрнулся, зацепился трусами за ветку и замер, войдя в ступор. За те пару секунд пока медведь летел на нас, я успел передумать кучу мыслей, оценить ситуацию и выбрать единственное правильное решение – подобрать палку и, держа её наперевес, с рёвом прыгнуть к медведю навстречу. Бедный медведь никак не ожидал увидеть вместо аппетитного куска мяса нечто страшное бородатое с дубиной в руках! Он взвыл от ужаса, развернулся буквально в метре от меня и рванул прочь, разбрызгивая во все стороны свистящее из задницы говно. Сын в это время приземлился в метрах пяти и, услышав мой вопль, горестно подумал, что вот, папу медведь задрал. Коля сидел бледный в полной отключке. Я же спокойно уселся на камень и стал доедать рыбу, будто ничего не произошло – типа муху отогнал. Сын быстро успокоился и составил мне компанию. Коля безмолвствовал. Минут через десять он отцепился от куста и прошептал:

– Жизнь спас!

Дня три он молчал, но перед каждым выходом из избушки тщательно проверял ружьё, следил, чтобы оно было заряженным, и требовал, чтобы я с ним не расставался. А также сопро-

вождал его с ним наготове даже в кусты по нужде. Меня в очередной раз спасла странная особенность. В самых критических, даже смертельно опасных ситуациях я вёл себя так спокойно, как будто смотрел кино, а не был действующим лицом. Только время резко замедлялось, и я успевал принять правильное решение. За это я расплачивался приступом жуткой истерики через несколько месяцев и, как правило, ночью. Жена знала, не пугалась и всегда была наготове.

Вторая встреча была не менее опасной, но и одновременно забавной с учётом того, чем она закончилась. Мы с моим питерским дядюшкой путешествовали вверх по Реке почти к самой границе. Дядюшка, заядлый путешественник, наслушался моих баек про местные красоты и возжелал лично удостовериться. К тому же, измученный домашней пищей, он жаждал получить временное гастрономическое убежище. Дело в том, что в его семье исповедовали правильное питание, которое было крайне однообразным и невкусным. Только для меня делалось исключение, и по этой причине дядюшка всегда с нетерпением ожидал моей очередной командировки в Ленинград. А после того, как он посетил нас и испробовал нашей пищи, то постоянно искал повод, чтобы, значит, повторить, повторить, повторить... На свою голову во время очередного визита в Ленинград и посещения дядюшки я особенно разошёлся в своих байках о гастрономическом буйстве. Дядюшка внимательно выслушал, а потом всё это записал по пунктам. Которых было двадцать три. Эту бумажку он взял с собой в наше путешествие и требовал неукоснительного приготовления каждого блюда из списка. Мне удалось даже перевыполнить – вместо двадцати трёх приготовить двадцать семь. Но, хотя дядюшка был полностью удовлетворён, он не упускал возможности попенять мне на отсутствие рябчика тушеного в бруснике. Ну, засуха была, ни одной ягодки! Оправдания не принимались, хотя, в конце концов, дядюшка согласился зачесть дополнительных четыре за один невыполненный. Я сговорился с моими друзьями-охотниками, и они пообещали устроить нам путешествие по самым красивым местам в верховьях Реки. То лето было идеальным для путешествия, но очень голодным для медведей. Засуха, ни ягод, ни кедрового ореха в горах, и медведи массово спустились ближе к Реке. Пока мы ждали наших проводников, каждое утро на песке по берегу Реки я находил во множестве следы и без ружья от избушки мы не отходили. Более того, пока мы плыли на лодке, на склонах гор то здесь, то там видели медведей и одиночек. Однажды – одновременно четырёх.

Охотники периодически старались подплыть поближе, чтобы сбить зверя, но те оказывались шустрыми и прятались среди камней или успевали выскочить на плато и спрятаться. Медведи, как и волки, были основными врагами охотников. Волки давили маралов и за каждого убитого серого полагалось от государства неслабое вознаграждение. Волки это знали и панически боялись человека. За все годы мне лишь однажды удалось увидеть небольшую стаю на противоположном берегу притока. Медведь же грабил избушки, где охотники держали припасы для зимней охоты. Остаться без провианта означало срыв сезона охоты, который в основном кормил семьи. По этой причине охотники люто ненавидели медведей и пытались грохнуть каждого, кто им попадался. Но от этого медведей меньше не становилось. Вокруг горы были покрыты кедрачами, по ручьям во множестве росла смородина и черемуха, а увалы покрывались как ковром горной клубникой. К тому же косуль да кабанов хватало. Так что мишки не бедствовали.

Мы с дядюшкой устроились в ту ночь в этой самой избушке, рядом с которой я лежал у костра и вспоминал былое, а приятели в стоящем в метрах тридцати зимовье их родного дядьки. Ужинали у костра ровно посередине между нашими жилищами, долго сидели и болтали, наконец, разошлись спать. Костёр уже погас, но угли ещё долго светились в темноте. До сих пор, когда мы ночевали в избушках, я ложился на нары у входа, слева под рукой фонарь, справа – заряженное ружьё, далее – дядюшка. На двери никаких запоров, естественно, не было. В тот раз нам казалось, что опасаться нечего: костёр дымит, рядом охотники с карабинами –

ну какой сумасшедший мишка сунется! Поэтому я ружьё повесил на стену напротив. Фонарь, правда, оставил под рукой. Лёг и отключился. Проснулся я от странного звука – было впечатление, что кто-то скребётся в дверь. Сначала я подумал, что дядюшке приспичило, но тут услышал лёгкий стук. Как я понял, это дядюшка от испуга стучал костями в своём спальном мешке. Значит, медведь ломится! Если он завалится внутрь, то окажется по дороге к ружью, которое, кстати, было незаряженным! Что делать? Медведь скребётся всё настойчивее, дядюшка стучит костями всё громче! К нашему счастью, мишка не догадался дверь дёрнуть, а старался вывернуть косяк, что нас и спасло. Тут я не выдержал, вскочил и рванулся к ружью, а медведь расслышал стук дядюшкиных костей и мой рывок, тихо рывкнул и дал дёру.

Я схватил ружьё, зарядил и высунулся на улицу. Никого. Ладно, легли опять, но уже как обычно с ружьём,. Утром говорю охотникам: так мол и так. Они меня на смех поднимают, что мишка совсем с ума съехал! Потом прошлись, посмотрели и головами закачали – действительно! Вот же, как оголодал бедняга. Тут один из моих друзей и говорит:

- Давай поймаем гада.
- А как?
- Да просто, капкан поставим.

Дядюшка загорелся, дескать, давайте. День потеряем, но это не беда, а такой кадр получится. И мне говорит, что как медведь в капкан попадёт, чтоб я как можно ближе подошёл, а дядюшка будет фотографировать. А если он вырвется? Не беда, главное, чтоб фото успел сделать. Добрый дядюшка! Ладно, парни капкан приладили, в качестве приманки птицу какую-то подстрелили. Для правильной установки ловушки, к капкану на цепи приладили бревно метра три, потаск по-местному. Если медведь попадётся, то он помчится сквозь заросли и бревно застрянет. К вечеру всё было готово, и мы разошлись спать. Утром вскочили и к капкану – не попался! А тут на коне дядька моих приятелей подъезжает. Он как раз к своему зимовью направлялся. Увидел нашу ловушку и как заорёт на ребят:

– Да кто ж такой потаск ставит!!! Да ежели бы медведь в капкан угодил, он бы с этим бревном в охапку к вам припёрся разбираться – мало бы не показалось!

Все были рады. Кроме дядюшки – эх, какой фотографии не получилось!

Многое еще мне вспоминалось, но тут я глянул на часы – ух ты, уже третий час! Потушил костёр и забрался в избушку. Утром встал пораньше, сел завтракать, вдруг слышу – звук мотора. Рановато, охотники должны были за мной приплыть ближе к вечеру. Ну, ладно, может это не они, а кто-то другой. Сижу, пью кофе, вижу, нет, это за мной. Почему так рано, спрашиваю. Оказывается, пока я здесь прохлаждался, с гор спустились двое итальянских охотников. Они купили лицензию на марала. Наконец, взяли двух и собирались домой. Ночевали они в избушке в тридцати километрах ниже по Реке, и к обеду за ними должен был прилететь вертолёт. Мои приятели узнали и договорились, чтобы и меня захватили. Здорово! Во-первых, никого дёргать не буду, а, во-вторых, сразу в столицу автономии. Там проболтаюсь у друзей пару дней и домой.

Я быстро собрался, погрузился в лодку, и не прошло и часа, как мы прибыли. К счастью, итальяшки по-английски понимали и разговаривали. Они угостили меня кофе с дивным сыром и свежим белым хлебом с маслом, что после десяти дней жизни на подножном корме казалось верхом чревоугодия. Мы сидели, болтали, а через пару часов послышался стрекот вертолёта. Через несколько минут он опустился невдалеке. Мы поднялись.

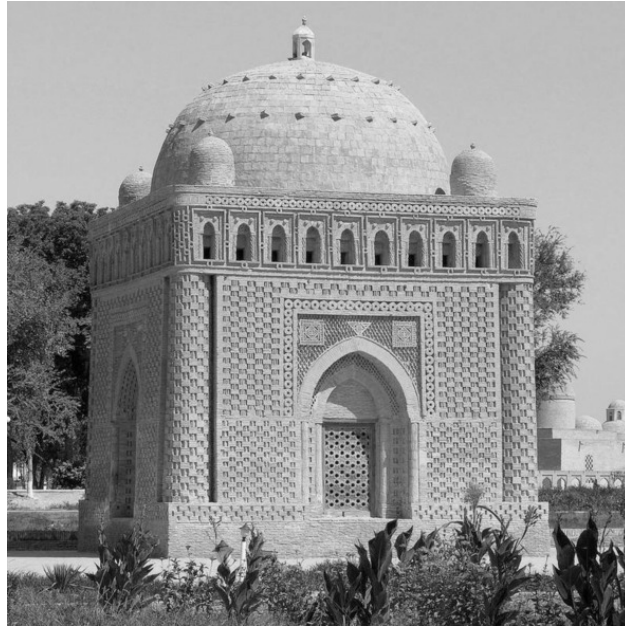
- Ну, что, – сказали друзья, – до следующего лета!
- Посмотрим, – уклончиво ответил я и пожал плечами. Сам же подумал – нет, никогда.

Итальянцы полезли в кабину, я задержался, окинул взглядом горы, Реку, комок подкатил к горлу, махнул рукой охотникам и забрался в вертолёт. Он взлетел, сделал небольшой круг над долиной и направился в сторону столицы автономии. Через час я был в аэропорту. Вот и всё.

Послесловие

Прошло много лет. Я ни разу сюда не вернулся. Дважды был близок к тому, чтобы плюнуть на всё и прилететь, один раз даже купил билет, но удержался и сдал. И хорошо, так как по обрывкам информации из тех краев, всё произошло, как я ожидал и даже хуже. Пару лет мы с женой и сыном ещё подёргались – плавали на байдарке по нашим рекам и озерам в России. Но после тех красот здесь всё было блеклым и навевало лишь грусть и тоску. Кроме того, ну, две недели, ну, три плавания – а если отпуск два месяца, то что делать в оставшееся время? Надо сказать, что в начале наших путешествий мы с женой решили, что пока есть силы надо забираться как можно дальше, в самую глушь, туда, где палатка – дом родной, рюкзак – весь багаж, а вместо кулинарных изысков – что бог пошлёт, ружьё даст и удочка добавит. Туризм в традиционном смысле мы решили оставить на потом, ближе к пенсии. Прибалтика, Золотое кольцо, Бухара, Самарканд и многое, многое другое никуда не денутся. Оказалось, делись и ещё как. Прибалтика – так вообще без виз не сунешься, Узбекистан, Казахстан и прочие станы тоже за граница и, хотя виз не надо, но вот так запросто, как во времена СССР, не поедешь. Впрочем, как и Россия, но уже по экономическим соображениям – на Байкал дороже, чем в Париж. Да что Байкал! В Москву только туда стоит столько же, сколько до Варшавы и обратно. Я уже стал отчаиваться, но тут произошли два события, которые, можно сказать, спасли нас. Первое – мы неожиданно стали дачниками. Друг Санька, видя наши страдания, предложил взять участок земли в товариществе от института, который создала моя мама и где она директорствовала до своей скоростной смерти. Санька сам имел там участок, а кроме него на двух улицах рядом жили мои приятели, часть из которых я устроил к маме по благу. У меня, старого бойца стройотрядов и заслуженного шабашника, тут же зачесались руки в ожидании топора, пилы и прочих радостей. Жена вспомнила о своей мечте цветовода, и мы немедленно согласились. Теперь вопрос о том, что делать летом отпал раз и навсегда. Но, есть ли жизнь на даче, и какая она, об этом, может быть, я когда-нибудь расскажу. Второе событие было связано с тем, что после моей стычки с одним гадом замминистра, я перешёл в частную фирму на должность замгендиректора по науке и внешнеэкономическим связям. Это тут же открыло мне весь мир, вслед за мной и моей жене, которая справедливо считала, что меня одного отпускать дальше границы области крайне неразумно. И теперь вместо Вильнюса – Рим, вместо Риги – Париж, вместо Таллинна – Стокгольм и далеко не только... Но и те же Вильнюс с прочими ригами и таллинами в прямом доступе, почти как тогда в СССР. Но об этом ниже.

ЛЮБОВЬ МОЯ СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Бухара. Мавзолей Саманидов. X век. Фото автора

ГЛАВА 1. ДАВНЫМ-ДАВНО

Предисловие

Говорят, что любовь бывает разная: с первого взгляда, со второго, с третьего, по фотографии, по голосу и т. д. Я влюбился в Среднюю Азию по книжке Леонида Соловьёва о Ходже Насреддине. Продукт советско-европейской культуры, я к своим двадцати годам знал о Средней Азии почти ничего. В книгах не встречал, фильмы производства «Узбекфильм» или «Таджикфильм» не смотрел (они считались хуже даже киностудии им. Довженко), в «Клубе кинопутешественников» имени Сенкевича показывали в основном недоступную далёкую экзотику. Понятие «гастарбайтер» отсутствовало даже при описании ужасов капитализма, а среди друзей, приятелей, коллег и просто знакомых моей семьи выходцев из Средней Азии сроду не было. В редких фильмах про басмачей мелькали ландшафты, виды городов и кишлаков, но всё это было фоном и особого внимания не привлекало. Нет, конечно, кое-какая информация проскакивала, но пищи уму и сердцу не давала.

Как-то раз, ещё школьником, я заскочил к другу-однокласснику. В ту пору особенного дефицита на книги, приличная библиотека могла быть создана или по блату или по наследству. У друга было то и другое, и, как следствие, в их домашней библиотеке можно было найти и дореволюционные издания и самые новенькие, с пылу и жару. Особенно привлекли меня в то время книги из серий «Библиотека приключений» и «Мир фантастики». Я пользовался большим доверием не только друга, но, что важнее, и его отца. Это давало мне возможность получать на руки на неопределённые сроки любое издание. Я паразитировал на этом беззастенчиво, но взятое всегда возвращал. В тот день я принёс пару книг и стал высматривать, что бы ещё почитать. Друг, наблюдая мои поиски, вдруг сказал:

– Возьми-ка вот эту. Не смотри, что издание «Детгиз», книга забавная, я сам её только прочитал. Тут по телевизору старый фильм о Ходже Насреддине показывали. Вот я и решил посмотреть, насколько сценарий от книги отличается, но запал и читал, не отрываясь. Я взял, но забегался, закрутился и вспомнил о книге лишь через пару недель, когда по всем приличиям её надо было вернуть. Как сейчас помню – поздно вечером, уже лёжа в кровати, я решил бегло пролистать её и утром вернуть. Я читал всю ночь, перечитывал отдельные страницы и даже записал для памяти пару абзацев. Я был потрясён: как же надо любить эти места и этот народ, чтобы так написать. На следующий день после школы я зашёл к другу. Благо отец его был дома. Я подошёл к нему и, набравшись нахальства, попросил подарить мне эту книгу. Другу я сказал об этом раньше и тот не возражал. Отец друга подумал, посмотрел на сына, тот кивнул, дескать, да, и отдал мне её. Книгу я зачитал до дыр. Стал ходить в библиотеку в поисках чего-нибудь о республиках Средней Азии. В основном это была сухая информация, встречались и художественные произведения. Но никто не писал об этих местах, так как Соловьёв. Вскоре подоспел конец школы, экзамены выпускные, вступительные, обаятельные первые годы студенчества... Книга как-то отошла в сторону, другие эмоции, впечатления, стройотряды, туризм, путешествия. Мечта о Средней Азии подёрнулась лёгким туманом.

И вот, однажды осенью друзья разбежались кто куда, на картошку нас, бойцов стройотряда не отправляли, и у меня образовались пара совершенно свободных недель. Не зная, что делать, я слонялся по квартире день, второй. А тут мама уехала в очередную командировку. Я от безделья стал наводить порядок, и тут же на глаза мне попала книга Соловьёва. Как в полубреду я помчался в кассы, купил билет до Ташкента назавтра (повезло!), собрал рюкзак, написал маме записку и улетел. Сейчас трудно представить более безрассудный шаг. Но в те

времена жизнь была куда как спокойней и безопасней и мысли о том, что со мной что-нибудь может случиться в голову не приходила.

Знакомство

Владимир Фаворский. Процессия. 1943

Сразу скажу – я не собираюсь писать о достопримечательностях Бухары, Самарканда, Хивы или других известных туристских центров. Эту информацию в наше время можно легко найти и в интернете и среди разного рода рекламных материалов, издаваемых турфирмами. Я пишу о собственных радостных чувствах того периода. А также о печальных ощущениях, которые охватили меня во время недавней поездки в те, столь любимые и знакомые места.

Итак, рано утром самолёт приземлился в Ташкентском аэропорту. Я вошёл в кассовый зал и вдруг услышал объявление: «Начинается регистрация на рейс номер... в Бухару...» Я без особой надежды сунулся в кассу. К моему удивлению, билеты были. Да и вообще, зал выглядел как-то пустынно, совсем не так, как у нас при вылете. Позже я узнал, что лучшего периода для поездки трудно придумать. Хлопок. Это почище, чем у нас картошка. На его уборку стогнали чуть ли не всё население. Города пустели, самолёты и поезда были полупустыми. Через пару часов я стоял на площади перед Бухарским аэровокзалом и дико озирался. Ничего особенного. Желтая земля, пирамидальные тополя, арык журчал рядом и жарко. Очень. Небо белесое, солнце не яркое, но жгло. Я вернулся в зал и, как опытный путешественник, обратился к какому-то сотруднику в виде узбечки лет 30—60. Вопрос был прост: где можно устроиться на пару дней. По моим планам на Бухару я отводил 2—3 дня, потом Самарканд, потом Пенджикент, там автостопом, ночуя в красивых местах по тракту через Анзобский перевал в Душанбе – и домой.

Женщина внимательно выслушала и стала расспрашивать меня, кто, откуда, зачем. Удовлетворившись ответом, она сказала: «Студент – денег-то немного. В гостиницу лучше не соваться. Тут автобус до города. На нём через две остановки выходите. Слева, рядом с остановкой двухэтажное здание. Это общежитие лёгчиков. Сейчас не сезон, хлопок, и может, даже комнату отдельную дадут. Придётся, спросите тётю Фариду. Скажите ей, что от Гульчахры. Это я. Поселит. Ну, а если вдруг нет, возвращайтесь. Придумаем что-нибудь ещё».

Я поблагодарил. Подоспел автобус. Я зашёл, сел и задумался. К этому времени я поездил немало, но нигде не встречал такого отношения к совершенно незнакомому человеку. Случайность, просто повезло. Общежитие было действительно рядом с остановкой и смотрелось довольно прилично. Изнутри здание выглядело ещё лучше. Чисто, тихо. На звук моих шагов из комнаты выглянула пожилая узбечка.

– Вам кого? – спросила она с заметным акцентом.

– Мне бы тётю Фариду. Я от Гульчахры. Женщина улыбнулась и сказала, что она и есть, та, к которой меня отправила её, как выяснилось, племянница. Действительно, комната нашлась. Отдельная! С холодильником! На столике стоял древний фарфоровый чайничек, странные чашечки без ручек. Пара тарелок, вилка, ложка, нож. Ну, просто мечта. Потом я отвечал на вопросы, выслушивал охи и ахи, потом был ознакомлен с краткой историей самой тётушки Фариды, а также её многочисленного семейства. Заняло это не более часа. Наконец беседа окончилась, дело было уже к полудню, я бросил вещи, закрыл дверь и спустился вниз.

– Ключ можете не сдавать, – сказала Фариды, – мало ли когда вернётесь, а я тут недалеко живу и бегаю туда-обратно. Внуки из школы вот-вот вернутся. Они ещё маленькие и на хлопок не послали. А вот родители их там. Аж до ноября обещают.

До центра города тот же автобус довёз меня минут за десять. Я вышел, прошёл как пьяный метров пятьдесят и окончательно обомлел. То, о чем я мечтал, что представлял в своём воображении, не шло ни в какое сравнение с действительностью. Такое бывает нечасто. По крайней мере, со мной в большинстве случаев было всё наоборот: действительность разочаровывала. Так было через много лет, когда я впервые попал в Париж. Возвращенный на Дюма, я увидел город, не имеющий ничего общего со славным временем мушкетёров. То же произошло и с Лондоном, да и многими другими местами, впечатление о которых основывались на художественной литературе. Легенды о городах создавались людьми в соответствии со своими вкусами и редко бывало, чтобы мои ощущения совпадали с писательскими. Да и не только я, но и любой другой человек создаёт себе образ, присущий только ему, и нет смысла оспаривать этот образ. Любит моя жена Париж, ну и бог с ними обоими. Не люблю я этот город, так не надо на меня пальцем показывать...

Я стоял на берегу Ляби-хауза, старинного водоёма в самом сердце города. Огромная, почти целиком засохшая шелковица над водой потрясала своей древностью. Рядом с ней словно стайка детишек расположились незнакомые деревья. Сквозь листву просвечивали какие-то строения непривычной формы, покрытые ярко-синими изразцами. В тени деревьев стояли странные помосты, на них сидели люди, как из сказки. Благообразные седобородые старики в халатах и тюбетейках, женщины в роскошных цветастых одеждах – то ли платьях, то ли сарафанах и таких же цветастых шароварчиках. Они сидели на этих помостах по турецки, сбросив обувь рядом. Перед каждым стояли эти странные чашечки, чайнички, подносы с какими-то сладостями и толстыми блинами. Пахло чем-то жареным, пряным и необыкновенно вкусным, но абсолютно незнакомым. Сколько я стоял не помню, но, наконец, решил и подошёл к навесу. Пелена с глаз сползла, и я вспомнил всё: что помост – это топчан, а стоит он в чайхане, а это не блины, а знаменитые лепёшки и не чашки, а пиалки...

Толстый, ну впрямь, как в книжке, чайханщик не спрашивая, тут же налил чайник, поставил на поднос вместе с пиалкой, бросил рядом небольшую кучку сладостей и бережно положил небольшую лепёшку.

– Садитесь, уважаемый, вон там, – сказал он и показал на свободный топчан.

– Сколько с меня? – я достал кошелек с лёгким испугом в душе. Денег у меня было достаточно, но всё-таки... Чайханщик назвал смехотворную с моей точки зрения сумму, и я с облегчением устроился с подносом на своём топчане. С соседних же топчанов, особенно с тех, где сидели женщины, катилась волна любопытства. Как пить из пиалок, я представлял смутно и исподтишка стал наблюдать за соседями. Вскоре я всё понял, как держать пиалу, как

разливать и как «женить» чай, наливая немного в пиалку и из неё опять в чайничек. Лепёшка оказалась фантастически вкусной, сладости тоже, а чай... Странное дело – там, в Средней Азии, зелёный чай номер 95 (самый лучший!) был изумительным. Я пил его по несколько раз в день, по чайнику, а то и по два. Но, привозя этот же чай домой, с глубоким разочарованием ощущал лишь вкус перепревшего сена.

Я сидел и наслаждался. Звучала странная для моего слуха музыка. Женский голос пел на незнакомом языке что-то непривычное, но мелодичное и завораживающее. Подошёл чайханщик. Присел на край топчана и стал спрашивать всё то же самое, что и те женщины в аэропорту и общежитии. Спрашивал он довольно громко, видимо, чтобы слышали соседи. Я понял и стал также громко отвечать. Я рассказывал о себе, о своём городе, о том, как и почему попал сюда. Я не говорил про книгу, а лишь упомянул о том, что мечтал всю жизнь увидеть своими глазами благословенную Бухару, Бухару-и-Шариф.

Чайханщик восхитился и зацокал языком. Он спросил ещё, сколько дней я собираюсь пробыть в Бухаре и где остановился. Если жить негде, то он приглашает пожить у него. Я смутился, поблагодарил и сказал, что устроился нормально.

– Слушайте, уважаемый. Приходите завтра сюда к обеду. Тут праздник будет, не пожалеете, – завершил разговор чайханщик.

Я автоматически пообещал, думая, конечно же, что не приду. Тот удовлетворённо кивнул головой и побежал к другим топчанам. Я встал и двинулся вглубь города. Я шёл как зачарованный по узким улочкам, вдоль длинных глинобитных стен с редкими низенькими резными деревянными дверями. То слева, то справа на перекрестках стояли небольшие мечети, у них сидели такие же старики, как в «Белом солнце пустыни». Дети играли на улице. Увидев меня, одиноко бредущего по этим, явно не туристским местам, они сбивались в стайку и, молча провожали меня взглядами, потом вдруг взрывались смехом и кричали что-то не обидное на узбекском. Я проходил мимо удивительно красивых медресе, знаменитой мечети Чор-Минар с её четырьмя голубыми куполами, вышел к цитадели, Арку, похожему скорее на какой-то рыцарский замок. Недалеко шумел базар. Чай и лепешка – хорошо, но в животе заурчало и затребовало привычной пищи, мяска бы, овощей свеженьких.

Базар в Средней Азии. Это поэма. Бесполезно его описывать тому, кто этого не видел. Горы дынь и арбузов, прилавки ломятся от помидоров, сладкого перца, разной зелени, овощей, риса, орехов, сухофруктов и др. и др. То тут, то там в огромных котлах кипело и шкварчело, запах шёл одуряющий, и желудок немедленно откликнулся таким взрывом эмоций, что я испуганно оглянулся – не слышит ли кто ещё этих воплей. Под навесом на мангале пожилой узбек жарил что-то напоминающее шашлык и котлету одновременно. Я подошёл и стал ждать, купит ли кто-нибудь. Хотелось понять размер и стоимость порции. Очень быстро я выяснил, что порция – это лепёшка, сверху пять небольших палочек с котлетоподобным шашлычком. Всё это покрыто кольцами лука и сбрызнуто прозрачной жидкостью. Стоило по нашим меркам немного, и я рискнул заказать то же самое. Получив эту роскошь, я огляделся и решил прикупить пару больших сочных помидоров. У первого же прилавка с помидорами спросил, сколько стоит. Ответ обескуражил – 5 копеек килограмм. Я смущённо спросил, могу ли купить пару штук и сколько это будет стоить. Продащица, узбечка в том же национальном наряде удивлённо посмотрела на меня.

– Вы посмотрите, – всплеснув руками, громко сказала она, обращаясь к товаркам. – Пару помидоров. И спрашивает сколько стоит. Ха! И тут история повторилась. Она стала расспрашивать меня о том же, что я уже трижды рассказывал сегодня. Соседки придвинулись, заохали, заохали.

– Иди сюда, сынок, – сказала старшая.

Я зашёл за прилавок.

– Подожди, я сейчас вернусь.

Она быстро ушла и вернулась через минут пять, неся на газете несколько штук похожих на большие пельмени.

– На, попробуй. Это манты, Очень вкусно. Захочешь ещё, бери вон у того старика, у него настоящие и самые вкусные, сказала она, показывая куда-то вдаль. От смущения я не запомнил, а жаль. Манты были восхитительны, котлетообразный шашлык (люля-кебаб) ещё лучше. Про помидоры умолчу. Куда до них херсонским. Пока я уминал всё это, попутно рассказывая байки про себя и свою жизнь, на прилавке появилось несколько кусков дыни. Скажу сразу, может быть потому, что впервые, а может в связи со всеми этими событиями и впечатлениями, но никогда более в своей жизни я не пробовал такой дыни. С трудом оторвавшись от гостеприимного прилавка, я двинулся дальше. Купил на вечер пару лепёшек, ещё помидоров (целый килограмм, чтобы не вводить в транс продавца), за гроши винограда, изюма и кураги, орехов. Всё это за смешные деньги и отправился бродить по городу. Дело шло к вечеру. Небо из белесого стало сначала голубым. А потом таким синим, что на его фоне потускнели купола мечетей. Жара спала, в лучах солнца золотилась легкая пыль в воздухе, город почти обезлюдел. Я ходил в лабиринте улочек, переулков, утыкался в тупики, возвращался, опять утыкался. Солнце садилось, сумерки наступали быстро. С огромным сожалением я вернулся к автобусу и уже почти в темноте добрался до своего жилья. Из комнаты выглянула Фарида:

– Ну, что, нагулялся. Вот возьми кипятка. Чай завари. Есть что покушать? А может, давай к нам сходим.

Я поблагодарил. Сбегал за чайничком. Она щедро сыпанула чаю, я добавил кипятка и поднялся к себе. Спать не хотелось. Я был так возбуждён, что не то, что спать, сидеть не мог. Выпил чаю с лепёшкой и сухофруктами. Было ещё сравнительно рано, хотя и окончательно стемнело. Я вышел на улицу. Сел на скамейку у входа, закурил. Стало неожиданно прохладно. Что говорить, пустыня. Необычные запахи и странные звуки завораживали. Уходить не хотелось. Вдруг раздался рёв – не рёв, вой – не вой. Ничего подобного я не слышал. Орало совсем рядом. Я поднялся и пошёл на звук. Оказалось, что этот необыкновенно громкий, пронзительный, похожий на скрип вилки по стеклу вопль издавал маленький серый ослик, точнее ишак. Сколько потом я не сталкивался с этим удивительным существом, не переставал умиляться и восхищаться. Взгляд его был такой печальный, что навевал мысли о многовековых страданиях этого ишака и всех его многочисленных предков. Маленького росточка, если сесть верхом, то ноги почти волочились по земле. Хрупкие ножки с миниатюрными копытцами казались с трудом выдерживают собственный вес. Но надо было видеть, как это на вид тщедушное существо тянет за собой огромную арбу, грузёную чуть не до неба всякой всячиной. А зачастую сверху его хозяин, да не один, с целым семейством. И идёт ишачок в гору быстро-быстро, перебирая копытцами. Если бы только не его голос...

Я сидел, курил и пытался привести в порядок первые впечатления. Не первый раз мне пришлось путешествовать по стране. Европейская часть не в счет. А вот Сибирь... Когда в составе стройотряда я впервые попал за Урал, то был потрясён полным несоответствием жизни у себя в городе, в Питере и Москве у родственников с тем, что я увидел в Тайшете, в посёлках и деревнях вдоль знаменитой трассы Абакан-Тайшет. Какой там социализм, да ещё развитой! Казалось, что я попал в какую-то чужую, убогую, просто страшную страну.

Жилье в виде развалюх, бараков, чуть ли не землянок. Пьянь и рвань, женщины с пустыми глазами, золотушные дети в грязи, полууголовные мужики и лагеря, лагеря вдоль железной дороги. Никаких развлечений, продукты по карточкам. Ящик китайской тушёнки – как праздник. Оказалось, что эта знаменитая дорога вовсе не была комсомольской стройкой, о чём победно трубили газеты. Строили её в основном заключённые или деклассированные элементы, которым в их родных местах ставили условие – или по комсомольской путёвке туда или тюряга здесь. Это был изнанка социализма, великая страна с чёрного хода, прямое доказательство преступности большевиков по отношению к собственному народу. Здесь же тоже всё

было иным, но иным совершенно по-другому. Своя жизнь, совсем не убогая, скорее непонятная, но потрясающе привлекательная и даже чуть волшебная, как будто выхваченная из сказок тысячи одной ночи. Просто другая страна, со своими правилами и законами, людьми, чье дружелюбие и гостеприимство было неожиданным и приятно непривычным. Всё было непохоже – люди, архитектура, природа, звуки и запахи. Мой предыдущий опыт был ни к чему, нужно было просто постараться прожить здесь, увидеть всё изнутри, попытаться беспристрастно понять эту страну, её культуру и людей.

Впечатления. Люди

Владимир Фаворский. Арба. 1944

Заснуть я долго не мог, но потом вдруг провалился и очнулся лишь почти к десяти часам. Сказалась разница во времени. Быстро перекусил, выскочил из общежития. Было ещё совсем нежарко. Небо ослепительно синело, утреннее солнце окрасило золотом даже землю. Автобуса долго ждать не пришлось и вот, я опять в центре. Придя в себя, я, наконец, достал старенький путеводитель, повесил фотоаппарат на шею и решил посвятить день ознакомлению с достопримечательностями. В те времена я любил делать фотоотчёты о своих поездках. В альбом я клеивал фотографии, вписывал комментарии. Что-то вроде самодельного иллюстрированного путеводителя. Даже в разгар дня город казался совсем пустым. Старики, детишки. Почти не видно молодёжи, да и людей относительно среднего возраста было совсем немного. Да, уборка хлопка была государственным делом, и здесь к этому относились строго.

Впервые я увидел памятники, созданные тысячи лет тому назад. Мавзолей Самманидов своей простотой, стройностью и совершенством напоминал церковь Покрова на Нерли, но был неизмеримо старше. Я стоял рядом, прикоснувшись ладонью к тёплой стене и не верил, что более 10 веков стоит здесь это чудо в своей первозданной красе. Казалось, время не только остановилось, а покатило назад. Сначала я старательно следовал указаниям путеводителя. Щёлкал фотоаппаратом, кое-что записывал в блокнот. Но чем дальше, тем меньше мне хотелось следовать обычным туристским правилам и традициям.

Как и вчера, я спрятал карту и стал бродить по городу, подчиняясь лишь внутреннему чутью. Я проходил мимо древних стен, знаменитого источника Иова, многочисленных мечетей, медресе. Минарет Калян и медресе Мир-и-Араб, старинное кладбище и опять лабиринт улочек старого города. То ли случайно, то ли влекомый пустым желудком, но, так или иначе, я оказался опять у Ляби-хауза. Там царило оживление. На прилегающей улочке стоял грузовик с надписью по-узбекски на кумаче натянутом вдоль бортов. Из всех слов на кириллице

было понятно лишь «колхоз». Вообще, использование кириллицы в узбекском и таджикском языках в то время приводило к странным результатам. Помню, гораздо позже, уже с женой и сыном мы шли по проспекту в Душанбе. Вдруг наше малолетнее чадо удивленно остановился, дёрнул меня за рукав и громко прошептал: «Па, почему они на каждом доме пишут матное слово?». Я посмотрел, куда он указывал и с изумлением прочитал: «Ленин Хиёбани». Оказалось – ничего страшного. Просто бульвар Ленина. Или, уже в новые времена, надпись на пивной в Ташкенте – Пивохана! Группа женщин расположилась на земле у самого навеса чайханы. Перед ними стояло несколько больших тазиков, лежала гора репчатого лука, морковки, в одном из тазов огромный кусок мяса. В стороне от них над большим казаном колдовали несколько мужчин. Остальные устроились на топчанах, женщины на своих, мужчины – на своих. Чайханщик метался между топчанами, разнося бесчисленные чайники, лепёшки, фрукты. Я, было, собрался обратиться подальше, как тут чайханщик заметил меня и радостно замахал рукой, дескать, иди сюда. Испытывая неловкость, я подошёл к навесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.